

ДОКТОР ПОПАДАНКА

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ ДОКТОРА ЛЕЙЛЫ

АДЕЛЬ ХАЙД

Адель Хайд

Вторая жизнь доктора Лейлы

<https://litres.ru/74205364>

Аннотация

Прожила долгую счастливую жизнь и жалела только об одном, что не может больше лечить, подводило зрение. Умирая, подумала: «Вот бы ещё...» и... открыла глаза в другом мире. Бедность, грязь, болезни, но теперь внутри юного тела другая душа, которая сможет всё это изменить. Вот только надо разобраться с одним делом...

#попаданка в мир без магии #быт и прогрессорство
#любовь♥# #сложные отношения #зрелая героиня в юном теле
#ХЭ гарантирован

Литмоб Доктор-попаданка Ссылка на другие книги литмоба
ОБРАТИТЕ ВНИМАНИЕ: Установленный системой рейтинг 18+ и дисклеймер являются следствием автоматической проверки текста по «стоп-словам». Алгоритм считывает описания вымышленных магических растений, лечебных снадобий или ядов как упоминание реальных запрещенных веществ.

Автор официально заявляет: * Я не пишу о наркотиках и не пропагандирую их употребление.

Все описанные в книгах средства являются частью авторского фэнтези-мира. Текст полностью соответствует законодательству и не содержит запрещенного контента.

Содержание

Пролог.	5
Глава 1.	7
Визуализация для главы 1.	20
Визуализации к главе	21
Глава 2.	22
Визуализация к главе 2.	32
Глава 3	33
Визуалы к главе.	49
Глава 4.	50
Глава 4 (продолжение)	56
Глава 4 (продолжение)	62
Глава 4 (продолжение)	67
Глава 5	74
Глава 5 (продолжение)	80
Глава 5 (продолжение)	89
Глава 6	95
Глава 6 (продолжение)	106
Глава 6 (продолжение)	118
Глава 7	124
Глава 7 (продолжение)	133
Глава 7 (продолжение)	142
Глава 7 (продолжение)	150
Глава 8	154

Пролог.

«Снова сон», — подумала я, открыв глаза. Во сне я вскакивала с кровати и бежала в больницу, глаза мои видели всё даже без очков, ноги переставлялись быстро, руки были твёрдыми.

Но реальность была безжалостна: на самом деле я уже «старая развалина». Спасибо всевышним силам, и так прожила столько, что некоторым и не снилось, и работать перестала только год назад, когда уже даже через лупу не смогла разглядеть глазки своего маленького пациента.

Сегодня у меня очередной сто четвёртый день рождения. Сколько всего сделано. Есть чем гордиться. Но сколько всего ещё можно было сделать, столько малышей ещё нуждаются в моей помощи. Так жалко, что уже нет сил...

Сухая старушка, которую все в мире знали под именем доктор Лейла, вздохнула и, словно бы обращаясь к кому-то, прошептала: «Вот бы ещё...»

И в этом мире это были её последние слова и последний вздох.

Дорогие мои! Приглашаю вас в свою новую историю!

История о женщине, которая прожила долгую счастливую жизнь, и стала самым известным детским доктором, но она мечтала продолжать лечить и мечта её сбылась... правда в другом мире. Будет и прогресссорство и любовь.

Не забудьте добавить книгу в библиотеку чтобы не потерять! И поддержите автора звёздочкой и комментарием! Это очень вдохновляет!

Глава 1.

«Снова сон», — подумала я, открыв глаза и не узнав собственную комнату.

В моей комнате было большое окно и всегда было светло. На потолке висела большая люстра, сделанная из разноцветного стекла. А здесь темно, какой-то серый потолок, на котором висит лампа на проводе, испуская тусклый свет.

Я решила встать, и неожиданно мне это удалось очень легко, как будто все мышцы снова стали сильными и упругими. С удивлением посмотрела на ноги, обтянутые длинной серой рубашкой. Вот ещё странность, давно такой рубашки из грубой ткани не носила, может, только в юности.

Приподняла рубашку: ноги под ней были гладкие, с молодой кожей, а не дряблые, с синими следами вен.

Посмотрела на руки. Руки тоже были не мои. Нет, управляла ими совершенно точно я — но откуда у меня, древней старушенции старше века, такая молодая и упругая кожа? Пошупала лицо. Это совершенно точно не я.

Накатила паника. А вдруг я утратила разум, и теперь мне кажется, что я молоденькая девушка? Это был мой самый большой страх — лишиться ума. Сколько моих подружек переставали узнавать своих родных, начиная жить в каком-то своём мире.

Вдруг за дверью раздались шаги.

Дверь без стука отворилась, и я легла, притворившись, что сплю. Судя по шагам, вошла женщина. Подошла к кровати и склонилась надо мной. Я слегка приоткрыла глаза, надеясь, что в полумраке комнаты это будет незаметно.

Женщина положила мне руку на лоб. И я решилась. Открыла глаза и в упор на неё посмотрела. Женщина от неожиданности отпрянула, но быстро пришла в себя и спросила:

— Лейла, как ты себя чувствуешь?

Я попыталась ответить, но горло было словно склеенное. Мой врачебный мозг сразу начал «исследовать» симптомы: «Такое впечатление, что был отёк гортани, аллергическая реакция».

В конце концов откашлявшись, мне удалось прохрипеть:

— Не очень. А что произошло? Я не помню, что было вчера.

Женщина всё таким же участливо-фальшивым голосом произнесла:

— Ну как же, Лейла? Сегодня тебе исполняется восемнадцать лет, и теперь ты уже не можешь оставаться в приюте. Тебе придётся уйти. Но ты же помнишь, что вчера приходила мадам Лестар и предлагала тебе работу?

«Что-то мне всё это не нравится, — подумала я. — Приют, судя по всему, сиротский, какая-то мадам Лестар, и работа...»

А вслух спросила:

— А что за работа?

— Ну как же? Работа в её доме. Там и платья тебе пошьют красивые, и жильём обеспечат. Скоро зима, на учёбу в санитарки уже не принимают, только весной сможешь пойти. А до весны же надо ещё дожить, — продолжала расписывать мои плачевные перспективы женщина.

Мне показалось, что она не уйдёт, пока я не соглашусь.

— Я подумаю, мадам, дайте мне немного времени — я соберусь.

Лицо женщины из сочувственного стало жёстким, и она уже совсем другим тоном произнесла:

— Ну-ну, думай. Думаешь, мадам Лестар каждой такое предложение делает? Как бы не так! Вон Стелла слишком много себе позволяла, и её мадам Лестар к себе не взяла, как бы та ни просила. В общем, Лейла, собирайся, после обеда тебя здесь уже не должно быть.

Мадам вышла, оставив меня одну. И почти сразу же дверь снова приоткрылась, но на сей раз пришедший старался очень осторожно просочиться — так, чтобы его или её не заметили.

Это была худенькая девушка. Увидев, что я не сплю, а сижу на кровати, свесив ноги, она быстро дошагала до меня и запрыгнула рядом, обняв.

— Ах, Лейла, ну почему мне только семнадцать? Я хотела бы уйти отсюда вместе с тобой. Поклянись, что через год ты заберёшь меня.

Потом девушка взглянула на меня и испуганно спросила:
— Ты чего, Лейла? Что сказала тебе эта старая жаба, мадам Вонючка?

Я улыбнулась — настолько непосредственной и милой была эта девочка.

— Почему мадам Вонючка?

— Ну вот, опять ты всех защищаешь, Лейла! Нельзя быть такой доброй! А не то все вонючки будут на тебе ездить. — Девочка тоже улыбнулась, потом посерьёзнела и уже совсем другим тоном спросила: — Лейла, с тобой что-то не так, и голос хрипит. Ты не заболела?

Я подумала, что было бы неплохо расспросить девочку, а то мне пока много непонятно, и сказала:

— Я не пойму, что со мной. Еле проснулась, ничего толком не помню, что вчера было, мадам... — здесь у меня был только один вариант, — Вонючка говорит, что вчера я разговаривала с какой-то мадам Лестар, а я вообще не помню. Мысли путаются, и голова какая-то тяжёлая.

Девочка испуганно на меня посмотрела, глаза её наполнились слезами. Она снова меня обняла и зашептала:

— Лейлочка, только не иди к мадам Лестар. Помнишь, мы же мечтали, что ты станешь доктором, заберёшь меня, и мы вместе будем работать в больнице, накопим денег, купим себе дом. Ты же обещала, что Лейла и Тина — мы навсегда как сёстры, пусть даже и не родные.

Она посмотрела на меня и с отчаянием в голосе произ-

несла:

— Ты же ничего не подписала вчера?

Мне стало не по себе, но, по крайней мере, теперь я знала имя «своей» подруги:

— Я не помню, Тина.

— Я уверена, — сказала Тина, — что мадам Вонючка тебе что-то подлила. Так уже было с Настой, помнишь? Мы с тобой ещё удивились, почему она вдруг поменяла решение и, вместо того чтобы пойти вышивальщицей в Модный дом, где её уже ждали, подписала контракт с мадам Лестар.

Вдруг Тина подпрыгнула и почти вскричала, но вовремя прикрыла рот ладонями:

— У... ра!

Я с удивлением посмотрела на неё

— Ты не могла ничего подписать! — заявила Тина, пританцовывая от переполняющих её эмоций.

— Почему ты так думаешь? — спросила я, улыбаясь, потому что, как бы мне сейчас ни было страшно, или непонятно, или непривычно, глядя на эту девочку со светлыми пушистыми волосами, которые, словно одуванчик, окружали немного бледное личико, просто невозможно было не улыбаться.

— Потому что такие бумаги пописывают в присутствии нотариуса, а ты не могла ничего пописать, пока тебе не стукнуло восемнадцать. А восемнадцать тебе только сегодня, — подробно и деловито объяснила мне Тина.

Потом снова подпрыгнула:

— Ой! Я же забыла, у меня для тебя подарок!

Тина вытащила из кармана маленькую коробочку, явно склеенную вручную из плотной бумаги, и протянула мне со словами:

— С днём рождения, Лейла.

Я взяла коробочку, потрясла: внутри что-то постукивало.

— Открывай! — Тина не отличалась большим терпением.

Я открыла. В коробочке лежала... монета.

— Это тебе, — торжественно произнесла Тина.

Я не знала достоинства этой монеты, но мне вдруг стало так приятно, что теперь у меня глаза увлажнились, и я от души обняла подругу.

— Спасибо тебе, Тина. Обещаю: через год я обязательно тебя заберу, только ты тоже ничего не подписывай, пожалуйста.

Вдруг дверь распахнулась, и в комнату снова вошла мадам... Вонючка.

Увидев Тину, зашипела:

— Что ты здесь делаешь? Почему не на построении, Тина Лавель?

Тина сразу вытянулась, сделала книксен, склонила голову, не забыв при этом стрельнуть в меня заговорщицким взглядом:

— Простите меня, мадам... Стинк, уже бегу, просто за-

шла поздравить Лейлу.

«Ага, — подумала я, — значит, мадам Стинк».

Тина выскочила за дверь, а мадам Стинк уставилась на меня.

— Ну? Что ты решила? — спросила она, и мне показалось, что делает это мадам Стинг с нажимом, будто пытаюсь запрограммировать меня на ответ.

«Вот же гадина какая! — подумала я. — Удивишься теперь, когда в теле девочки старая опытная циничная бабка».

А вслух сказала, поразившись, как тяжело мне пока говорить:

— Конечно, мадам Стинк, я решила.

Мадам тут же поджала губы, а я немного откашлялась и, округлив глаза, спросила:

— А нотариус уже прибыл?

Теперь настало время откашливаться мадам.

— Нет, он после обеда приедет, — как будто нехотя произнесла мадам Стинк и развернулась, чтобы выйти из комнаты. Но притормозила возле двери и как-то мстительно произнесла: — Так что к обеду освободи комнату, на неё уже очередь. И сразу после обеда я жду тебя у себя в кабинете.

И вышла.

А я осталась думать, что же мне делать.

Конечно, никакой договор ни с какой мадам я подписывать не собиралась. Но догадывалась, что мне положены какие-то «выходные» деньги. И я намеревалась задать этот во-

прос нотариусу. Который, скорее всего, приезжает оформлять документы для выпускника приюта.

А девочку, скорее всего, вчера опоили, и у неё, судя по отёку гортани, случилась аллергическая реакция. Слова до сих пор давались с трудом. Надо бы, конечно, по выходе из этой богадельни определить, на что у меня аллергия.

После ухода мадам Вонючки я встала, осмотрелась. Пожалела, что мадам отослала Тину. Кто мне расскажет, где здесь что находится? Но жизненный опыт — самая ценная вещь после здоровья, и я довольно быстро со всем разобралась.

Вещей у меня было немного, всё уместилось в небольшой потёртый чемоданчик. Я подумала, что у девочки обязательно должен быть какой-нибудь тайник. И стала искать.

Простучала все стены, со всех сторон осмотрела небольшой деревянный столик, проверила несколько книжек, которые рядком стояли на столе. Всё безуспешно. Потом вспомнила, что наиболее часто для тайников используются различные углубления в полу. Стала простукивать и... нашла.

Пол был выложен короткой паркетной доской, и под одной из досочек явно слышалась пустота.

Поискала, чем бы подковырнуть, нашла старые, полностью металлические ножницы, вспомнила, что когда-то давно у меня тоже такие были.

Под досочкой обнаружилась небольшая, ручную сшитая из листов тетрадь, в которую были вложены потрёпанная карта и маленький кошелек. В кошельке было около пя-

ти монет. Такую же монетку мне подарила Тина. Её я тоже положила в кошелёк.

Убрала тетрадку и кошелёк во внутренний карман серого, из грубой шерстяной ткани платья, которое надела, обнаружив его в шкафу.

Нашла маленькое зеркальце, попробовала себя рассмотреть. Показалось, что похожа на себя в молодости. Вроде бы светлые волосы, светлая кожа, голубые глаза. В маленькое зеркальце было сложно увидеть весь образ. Но я порадовалась: а ведь могла бы вот так вот очнуться кем-то ещё.

И самой стало весело. Вдруг поняла, что снова живу, снова молода, а то, что снова впереди трудности, так теперь у меня есть преимущество в виде знаний и опыта.

Пока время было, решила почитать найденную тетрадку и карту. Порадовало, что и читать я тоже могла. Было полное ощущение, что это тот же самый язык, на котором я разговаривала всю жизнь.

Это, как я и предполагала, был дневник. В нём девочка записывала свои мечты и мысли. Девочка хотела стать врачом и мечтала лечить детей. На карте были отмечены точки. Я сопоставила с теми адресами, что были на карте, и поняла, что это были больницы.

«Спасибо, Лейла», — мысленно поблагодарила я несчастную девочку.

Я подумала, что обязательно исполню её мечту, потому что лечить детей — это именно то, что я умею делать лучше

всего. Там же были написаны адреса больниц, и напротив каждой стоял либо плюс, либо минус.

Я предположила, что Лейла готовилась покинуть приют и уже начала подбирать себе работу.

На последней странице был адрес, напротив которого было написано, что одна ночь стоит две кроны.

«Кроны? Неужели так здесь называются деньги? — подумала я. — Хорошо, если так, в этом случае я быстро разберусь в достоинстве монет». А по поводу адреса я решила, что это, вероятно, какой-то пансион, в котором Лейла планировала жить.

Часов у меня не было, и поэтому я, захватив с собой чемоданчик, пошла искать место, где здесь обедают. Есть мне совершенно не хотелось, да и горло ещё немного болело, но я знала, что неизвестно, когда мне в следующий раз удастся поесть, и поэтому решила использовать шанс на последний обед в приюте.

Пока шла, навстречу попадались девочки разных возрастов в таких же серых платьях, что было на мне. Многие улыбались и поздравляли. Откуда-то выскочила Тина:

— Лейла, куда ты идёшь? Я думала, что ты будешь на обеде.

— Я и хочу на обед, просто мадам Стинк попросила освободить комнату, вот я и собралась, — ответила Тине

— Тогда пошли, — улыбнулась Тина.

Обед проходил в большом светлом зале, в котором были

большие прямоугольные окна, и я увидела, что сейчас лето, потому что деревья стояли зелёные, но было пасмурно, хотя дождя не было.

В зале стояло несколько длинных столов, за которыми рассаживались девушки с подносами в руках.

Тина подтащила меня к одному из столов, под который я поставила чемоданчик, и мы пошли к раздаче.

На обед полагались тарелка похлёбки, какая-то запеканка и стакан с напитком. Всё было съедобно, хотя белка, конечно, было маловато.

Девушки были разных возрастов, некоторые смотрели на меня так, словно мы никогда не общались, но три девушки подошли и присели к нам с Тиной.

— После обеда уходишь? — спросила одна из них.

Я кивнула.

— Всё-таки решила попытать счастья в больницах? Смелая ты. А если заболеешь? Говорят, что там иногда бывают заразные больные, — спросила невысокая рыженькая девушка со смешными веснушками на лице.

А третья, которая всё это время молчала, вдруг как-то с отчаяньем в голосе сказала:

— Ага, так тебе и дали дойти до больницы, мадам Лестар свою добычу не выпускает.

Тина тут же ей ответила:

— Зачем ты так, Дана? Всё у Лейлы будет нормально.

— Тогда пусть поторопится, чтобы дотемна успеть устро-

иться в свою больницу, — зло сказала девица, которую Тина назвала Даной, встала и, не прощаясь, ушла.

— Что с ней? — спросила я у оставшихся девушек.

— Она боится, — ответила рыженькая.

И вдруг раздалось:

— Лейла Кроули, тебя ждёт директриса, поторопись.

Тина встала вместе со мной:

— Я тебя провожу и подожду, чтобы проводить тебя до ворот.

В голосе у неё звучали слёзы.

— Верь мне, Тина, я вернусь за тобой, — повторила я.

— Да, я буду ждать тебя двадцать первого мая, — проговорила Тина и добавила: — Ведь ты не забудешь, что мой день рождения двадцать первого мая?

— Конечно нет, — успокоила я девушку и встала, чтобы взять чемодан, как вдруг вспомнила про зеркальце. Достала его из кармана и протянула Тине.

— Вот, смотришь в зеркальце и говори всё, что ты хочешь сказать мне, и я услышу, — сказала ей улыбнувшись.

Тина посмотрела на меня вытаращенными глазами, но потом облегчённо выдохнула и улыбнулась:

— Шутишь?

— Конечно... шучу, — ответила я, и мы пошли.

Столовая в приюте выглядит прекрасно. Всё же сам приют курируется королевой и расположен в старинном особ-

няке.

Визуализация для главы 1.

Лейла Кроули - первый день в новом мире и в новом теле

Книга участвует в литмобе Доктор-попаданка

<https://litnet.com/shrt/uaVu>

Визуализации к главе

Лейла Кроули и её подруга Тина Лавель

Глава 2.

В кабинет директрисы я вошла, как и была, с чемоданом в руке, хотя Тина и предлагала его посторожить.

Помимо директрисы, там находилась богато одетая женщина в зелёном костюме с приталенным жакетом и в удлинённой юбке. Я бы назвала это макси. Под пиджаком была светло-розовая блуза с довольно большим треугольным вырезом. На голове женщины была маленькая шляпка с вуалю. Если это мадам Лестар, то она не смотрелась вульгарно, я бы даже сказала, что, наоборот, женщина смотрелась стильно. Туфли были на небольшом каблучке, а на руках — кружевные перчатки под цвет блузки.

Женщина стояла, директриса тоже стояла рядом со столом, за которым сидел немолодой лысоватый мужчина в очках.

«А это, наверное, нотариус», — подумала я.

Увидев, что я вошла, директриса нарочито ласково спросила:

— Лейла, как ты вовремя, а мы только что собрались, чтобы подписать все необходимые документы.

Мужчина, сидящий за столом, поднял голову и довольно жёстко проговорил:

— Мадам Стинк, я должен попросить вас оставить нас с мисс Кроули одних, этого требует нотариальная процедура.

У меня внутри даже радостно задрожало: «Неужели я смогу всё выяснить без свидетелей в лице мадам Вонючки и мадам Лестар, которая в этот момент вдруг сделала вид, что она просто один из предметов мебели?»»

Мадам Стинк поджала губы, но направилась к двери.

А мужчина между тем продолжил:

— Я бы попросил выйти всех, кроме мисс Кроули.

— Николас, я что, тоже должна выйти? — грудным с лёгкой хрипотцой голосом произнесла мадам в шляпке.

— Да, мадам Лестар, вы тоже, и прошу вас не фамилльярничать, — всё так же жёстко произнёс нотариус.

Когда все лишние вышли, я присела к столу напротив мужчины.

— Николас Петифо, — представился нотариус и, вытащив бумаги из тонкой серой папки, сообщил: — Начнём, пожалуй. Итак, мисс Кроули, вы ознакомились с договором? — задал мне вопрос господин Петифо.

— Нет, — чётко ответила я, и господин Петифо вздрогнул, потому как он уже вытягивал из папки бумаги, видимо намереваясь передать мне их на подпись.

Он взглянул на меня более пристально, будто пытаюсь что-то разглядеть. Я решила не давать ему повода усомниться в моём ментальном здоровье и произнесла:

— Прошу вас разъяснить, о каком договоре идёт речь, а также рассказать мне обо всех вариантах моего выпуска из приюта.

Глаза нотариуса буквально вылезли над очками. Ну или это очки съехали на нос.

Но надо отдать ему должное, господин Петифо довольно быстро совладал с собой, положил бумаги обратно в папку и, сложив руки под подбородком, посмотрел на меня, но совсем другим взглядом. Уже не было во взгляде нотариуса такого выражения, которое я бы описала, как «давайте уже всё подпишем, и я побежал».

Теперь в его взгляде была некая заинтересованность.

— С чего хотели бы начать?

«Какой, однако, хитрый крючоктвор, — подумала я, — но не на ту попал».

И вслух сказала:

— Договор с заведением мадам Лестар мне не интересен, прошу вас озвучить только то, что мне полагается при выпуске из приюта.

И тоже посмотрела на нотариуса взглядом: «Ну, что теперь скажешь?»

Нотариус хмыкнул, чему-то улыбнулся — я не поняла, хорошо это или плохо, — и достал из большого коричневого портфеля другую папку, чёрного цвета.

Вытащил лист бумаги и передал мне.

Это была... опись, очень похожая на обходной лист. Только на ней печатной машинкой было напечатано: «Настоящим мисс... (далее шёл длинный прочерк, его надо было заполнить вручную) удостоверяет, что ею получено... (и далее шёл

список того, что выдавалось выпускнице приюта)».

Я внимательно прочитала, и оказалось, что мне полагалось практически приданное: постельное бельё, гигиенический набор, который включал в себя два куска мыла, мочалку, расчёску, швейный набор и набор для вязания. И главное, мне полагалась выплата в размере десяти крон.

Я перечитала два раза, опасаясь подвоха, но не нашла ничего, что было бы написано мелким шрифтом. Посмотрела на нотариуса, который всё время, что я изучала документ, видимо, наблюдал за мной.

— Я согласна подписать этот документ и получить всё, мне причитающееся, — сказала нотариусу.

— Мисс Кроули... — начал мужчина,

«Ну вот, как всегда есть „но“», — пришла в голову неведомая мысль.

— Повелением королевы, которая курирует все приюты государства, приют не может вас выпустить без договора о работе или о жилье. У вас же есть вариант работы или жилья?

Мне стало нехорошо, но я не показала виду, что меня сильно расстроило это странное условие, наоборот, я решила уточнить:

— Но мадам Стинк сказала, что я не могу остаться в приюте.

Нотариус развёл руками:

— Вот такая вот коллизия, уж простите несовершенство

законов. С наступлением восемнадцати лет вы не можете более считаться воспитанницей приюта, но и выпустить вас без договора о найме или о жилье приют тоже не может.

Я подумала: «Выпустить не может, выдав все причитающиеся вещи и выплаты, а на улицу выставить без копейки очень даже может. Интересно, а королева знает?»

Нотариус вздохнул, и мне показалось, что он вздохнул, искренне переживая. Ну или он очень хороший артист.

— Тогда не будем терять время, — произнесла я как можно более оптимистично, — побегу за договором.

— Он у вас здесь? — удивился нотариус.

— Нет, конечно, я же не знала, что его надо взять заранее, я договорилась и о жилье, и о работе, но не взяла никаких бумаг. Поэтому прошу, выдайте мне документы, и я пойду оформлю необходимые бумаги и... — здесь я сделала паузу и почему-то мстительным тоном сказала: — Вернусь за причитающимся мне... приданым.

Снова пристально взглянула на нотариуса:

— Документы же вы мне выдать можете?

Нотариус снова вздохнул и вытащил из чёрной папки мой... паспорт.

Я взглянула на документ, это было, скорее свидетельство, о рождении, а внутри него был вкладыш с указанием моего нынешнего статуса.

Нотариус мне пояснил:

— Как только вы обустроитесь, вам будет необходимо схо-

дить в мэрию, и там вам обменяют эту справку на гражданское удостоверение.

— Если это всё, господин Петифо, могу ли я идти? — спросила я нотариуса и встала.

— Да-да, идите, — рассеянно произнёс мужчина.

И я решила не испытывать судьбу, подхватила чемоданчик и выскочила за дверь.

Там, в приёмной, перед входом в кабинет сидели директриса и мадам Лестар.

— Прощайте, мадам Стинк, — сказала я, проходя мимо и не останавливаясь.

— А ты куда, Кроули? — Мадам Стинк явно не ожидала такого поворота.

— В больницу, — ответила я и прикрыла за собой дверь.

В коридоре у стены стояла Тина.

— Бежим, — сказала я, и Тина без вопросов понеслась вслед за мной по коридорам приюта.

Только оказавшись около ворот, я остановилась и рассказала Тине всю ситуацию.

— Будь осторожна, — сказала Тина и обняла меня. — Я в тебя верю.

Я вышла за ворота, а Тина осталась внутри приютской территории.

Я решила сначала пойти по адресу, который я определила

как пансион для ночлега, но заметила, что на пути к нему расположены две больницы, как раз те, напротив которых стояли плюсы.

«Зайду: вдруг сразу удастся и на работу устроиться, и потом договориться о ночлеге?» — решила я и решительно двинулась к больнице.

В шерстяном платье скоро стало жарко, потому что шла я быстро, наслаждаясь возможностями молодого тела. Как же это прекрасно — просто иметь возможность быстро идти и вдыхать воздух, чувствуя, как молодое, здоровое сердце гонит кровь, насыщенную кислородом, по венам, наполняя мышцы силой!

Больница была большая. Вход в неё находился на возвышении, к нему вели пологие ступени, по которым спускались и поднимались люди. К сожалению, в записях Лейлы не было указано, говорила ли она с кем-нибудь или просто поставила плюс, потому что ей понравилось здание.

Но из прошлой жизни я знала, как устроены больницы и в начале двадцатого века, и в начале двадцать первого. Время здесь мне казалось более похожим на начало двадцатого века: по дороге неспешно ехали автомобили, которые в моём времени называли ретро, иногда попадались экипажи, запряжённые лошадьми, женщины носили удлинённые, но не длинные юбки или платья, мужчины — котелки или цилиндры.

Я поднялась по ступеням и, потянув на себя тяжёлую

дверь, смело зашла в больницу.

Внутри меня встретил большой круглый холл, полный людей, некоторые сидели, те, кому не хватило лавок, стояли. Как я поняла, это была своеобразная очередь, которая упиралась в два стола, за каждым из которых сидели мужчины, одетые во врачебные рубашки. Рубашки были серые, похожие на моё платье, с длинными рукавами, обычно такие рубашки надевали на одежду и завязывали на поясе.

Присмотревшись, я поняла, что мужчины определяли, нуждается человек в лечении или нет и какого рода лечение нужно. Некоторых уводили в проход, расположенный за столами приёмной, а некоторых отправляли в другую сторону, где был расположен коридор с несколькими дверями. Я подумала, что там, наверное, сидят врачи.

«Куда же мне идти?» — размышляла я, осматриваясь по сторонам, как вдруг заметила, что в дверь зашёл человек с саквояжем и, пробираясь сквозь очередь, направился в сторону коридора с дверями. Я пошла в ту же сторону.

— Простите, пожалуйста, — обратилась я к нему, — не могли бы вы мне помочь?

Мужчина удивлённо посмотрел на меня и, указав на столы, сухо сказал:

— Вам туда.

— Я не больна, я по поводу работы, — поспешила объяснить, понимая, что ещё миг — и он от меня убежит в коридор, куда мне просто так уже не пробраться.

— Тогда вам надо не сюда, — неожиданно расщедрился мужчина на слова и добавил: — Вам надо пройти с другой стороны здания и найти там господина Персонара, он занимается наймом. Простите, мне пора.

Вышла из больницы и пошла искать заветный вход и господина Персонара.

За зданием больницы располагалось ещё два здания, одно из них, судя по всему, было каким-то обособленным отделением, а вот другое было похоже на... крематорий.

Господина Персонара я нашла за неприметной, выкрашенной в зелёный цвет дверью. Он сидел в небольшом кабинете и что-то писал. Это был невысокий, плотный, лысоватый мужчина, больше похожий на бухгалтера в моём представлении, чем на доктора. Но, как оказалось, он и не был доктором, и для меня это стало критически неудачным моментом. Господин Персонар не мог оценить мои знания, ему требовались только мои бумаги об образовании. А вот бумаг как раз у меня и не было. Ещё он сказал, что мог бы взять меня без документов на должность санитаря, будь я женщиной, потому что в скорбный дом, который располагался в отдельно стоящем здании, требовались сильные мужчины.

И как бы я ни пыталась господину Персонару доказать, что могу претендовать хотя бы на должность санитарки, всё, что он мне предложил, — это должность уборщицы.

Нет, я не была против, мне нужна была любая работа, но должность уборщицы освобождалась только через неделю. И

я, попросив господина Персонара записать меня в качестве претендента, решила попытать счастья в другой больнице.

— Буду ждать вас до десяти утра через неделю, опоздаете хотя бы на пять минут — и я отдам эту должность другой девушке.

«Однако, — думала я по пути в другую больницу, — явно же людей не хватает, это видно по большой очереди на приёме, а свободной вакансии нет. Так почему же Лейла поставила плюс напротив этой больницы?»

Больница носила имя какого-то святого и действительно была большой.

Следующая больница, в которую я зашла, была гораздо меньше и состояла всего из одного корпуса. Располагалась она не так близко к центру, но и не на окраине.

Но и в этой больнице мне не повезло. Хотя здесь мне удалось попасть на «интервью» к дежурному врачу. Он признал, что знания у меня есть, но он оказался шовинистом и не мог себе представить, как «можно взять на работу в медицинское учреждение женщину».

Когда я вышла на улицу, уже было около пяти часов вечера, ещё достаточно светло, но, по моим расчётам, мне надо было пройти около двух километров. Пансион, если это, конечно, был он, располагался на окраине города. Но когда я пошла по улице, то мне показалось, что за мной кто-то идёт.

Визуализация к главе 2.

Мадам Лестар и нотариус Николас Петифо

Лейла вышла во "взрослую жизнь" за пределы приютских стен. Что ждёт её? Помогут ли ей опыт и знания?

Глава 3

Я сразу вспомнила предупреждение Даны, что мадам Лестар не отказывается от своей добычи, и мне, по сути столетней бабке, стало страшно.

Я не знала, как здесь соблюдаются права человека, но мне подумалось, что если приютская девушка неожиданно пропадёт, то никто не будет её искать.

Даже Тина начнёт волноваться только через год, когда я не приду за ней в её день рождения. И почему-то мне стало обидно за Лейлу, которая, в отличие от Стеллы, себе «не позволяла».

«Ладно, — решила, — так просто не дамся. Я такие болевые точки знаю! Если нападут, особенно если будет только один, отключу так, что человек и не вспомнит, что с ним случилось, а чемоданом ещё и по голове настучу».

Эти мысли меня успокоили, и я почти что вприпрыжку, насколько позволяла неудобная обувь, пошла выяснять, будет где мне переночевать или нет.

Когда до пансиона оставалось около четверти пути, я сначала услышала, а потом и увидела, что много людей идут в одном направлении: кто-то весь в саже, у кого-то лицо или одежда были в крови, несколько человек несли кого-то на носилках, ехали несколько повозок, на которых лежали люди.

Я догнала одну из повозок, чтобы посмотреть. Люди, лежавшие в повозках, либо были без сознания, либо стонали, одежда на многих была обгоревшей. Я обратилась к женщине, которая шла, держась за повозку:

— Что случилось, мадам?

— Взрыв, — неживым голосом ответила она, и я поняла, что у неё шок.

— А куда вы идёте? — спросила я женщину ещё раз.

Та, будто мои слова её разбудили, взглянула на меня с удивлением и ответила:

— В больницу идём.

Этой больницы не было в списке Лейлы, и на карте она тоже не была обозначена. Я пошла вместе с людьми в больницу, понимая, что людей слишком много и, возможно, понадобится моя помощь. О том, что мне надо бежать договариваться о ночлеге, я в тот момент не думала.

Больница располагалась в переулке и была ещё меньше, чем та, в которой женщин на санитаров не принимали. Здесь же я, к своему удивлению, увидела двух женщин, одетых в привычные мне почти белые хирургические халаты, которые без пуговиц завязывались поясом. На головах у них были белые платки. Выглядели женщины растерянно. Мне даже показалось, что они с ужасом глядели на приближающуюся толпу и на те несколько телег, которые уже стояли возле больницы.

Я пошла к женщинам, собираясь предложить помощь хо-

тя бы в сортировке пострадавших[1], чтобы отметить, кто тяжёлый, кто лёгкий, как меня учили на медицине катастроф.

[1] Медицинская сортировка является одним из основных принципов медицины катастроф, основанных на необходимости оказания медицинской помощи в максимально короткие сроки как можно большему количеству пострадавших, имеющих шанс выжить. Впервые была внедрена русским хирургом Н. И. Пироговым.

Но в это время из дверей больницы вышел пожилой мужчина, тоже в белом хирургическом халате. Увидел стоявших женщин и меня почти рядом с ними и прикрикнул на нас всех, а особенно на меня:

— Почему ещё не в форме?

— Вы мне? — удивилась я и оглянулась: больше никого рядом не увидев, посмотрела на женщин. Те будто даже не удивились.

— Ну а кому? — нетерпеливо крикнул доктор. — Быстро переодеваться — и на сортировку.

Одна из женщин вздрогнула и сказала:

— Пойдём провожу, покажу, где взять форму.

По пути женщина сказала:

— Ты не бойся, наш главный-то строгий, конечно, но не дурной. Это он просто переживает. Видишь, какая ситуация-то? Как людей много пострадало, а места-то у нас мало.

— А как зовут главного? — решила я спросить.

— Доктор Джозеф Листер. — Женщина немного удивилась. — А меня, если что Надин зовут.

Я не стала больше удивляться, хотя, конечно, поняла, что меня с кем-то перепутали. Но я знала, что могу помочь людям, и это было главным.

Поэтому переделалась, оставила чемоданчик и пошла работать.

В процессе выяснилось, что взрыв произошёл на фабрике. Взорвался котёл, в результате произошла утечка газа, и загорелись складские помещения. Несколько людей были очень тяжёлыми с большим количеством ожогов.

Я организовала женщин и ещё одного мужчину, который прибежал чуть позже, по-быстрому объяснив им систему. Надо было на первом этапе разделять носилочных и ходячих, ходячих договорились оставлять пока на улице. Носилочных необходимо было быстро осматривать. Я обратила внимание, что было всего три доктора, и они метались между стонущими и кричавшими пострадавшими.

Я подошла к доктору Джозефу и рассказала ему про систему сортировки. Тот удивлённо посмотрел на меня, но крикнул другим докторам, чтобы те подошли.

— Расскажи ещё раз, — попросил он.

Я быстро объяснила, что мы с санитарками будем делать первичную сортировку, всех носилочных будем отвозить или относить в одну сторону, детей, беременных жен-

щин, если таковые есть, — тоже, остальных пока отставляем. А задача докторов — быстро, желательно в течение сорока секунд на пациента, определить степень тяжести тех, кого мы отсортировали по срочности оказания помощи.

Один из мужчин сперва сделал лицо, которое я перевела как: «Ну вот, ещё одна выскочка».

А другой, слегка нахмурившись, кивнул и сказал:

— А ведь девушка дело говорит, а то так мы в этом хаосе всех не посмотрим.

После этих слов доктор Джозеф тоже кивнул и сказал:

— Э, как вас...

— Лейла, — сказала я.

Доктор удивлённо приподнял брови, но сказал только:

— Лейла, давайте, берите на себя первичную...

— Сортировку, — подсказала я.

— Да, сортировку. — Доктор качнул головой и обратился к так и стоявшим рядом с ним мужчинам: — Коллеги, пойдёмте. И помните: на больного — сорок секунд.

Как только удалось договориться о сортировке, дело пошло. Сначала я работала вместе с санитарками, но вскоре меня позвал доктор Джозеф, и сначала мы с ним вместе осматривали пострадавших, но потом он увидел, что я вполне в состоянии определить степень тяжести сама и сказал:

— Вы здесь, я пошёл в операционную. — Затем крикнул: — Николас!

И вслед за ним ушёл тот самый доктор, который сказал, что я дело говорю.

На вторичной сортировке остались я и молодой доктор, имени которого я не знала, но тот, что был настроен скептически.

Вскоре и его позвали внутрь больницы, а я осталась на улице, понимая, что ещё довольно много пострадавших, хотя лежащих почти всех увезли или унесли внутрь. Но те, кого отсортировали как ходячих, всё равно нуждались в помощи.

Я пошла в больницу, усталого доктора Джозефа обнаружила в операционной. Мне повезло: он как раз входил туда. И я его спросила:

— Господин Листер, там ещё много людей с лёгкими ранами, кто-то может им оказать помощь?

Он устало ответил:

— У нас всё забито, мисс, отправляйте их в другие больницы.

Тогда я решилась:

— Если вы выделите мне процедурную, я бы могла обработать раны.

Доктор снова удивлённо поднял брови, но кивнул в сторону Надин, которая притапала вслед за мной:

— Надин, покажи Лейле перевязочную, думаю, что вы без докторов с такими ранами справитесь.

Мы закончили, когда на улице уже совсем стемнело. Надин откуда-то притащила две кружки с горячим травяным

напитком, и мы сидели в перевязочной уставшие, но довольные тем, что почти всем удалось помочь, и даже материала хватило.

Надин ещё радовалась, что, пока я оказывала помощь, ей удалось почти всех зарегистрировать.

— Теперь больница получит за каждого по пять крон плюс расходы на материалы, а это значит, что нам, может, и премию выдадут, — радостно говорила она.

А я сидела и думала: «Где же мне ночевать и как сообщить доктору Джозефу, что я просто мимо проходила, но очень хочу у них работать?»

Потом Надин вскочила и засобиралась:

— Ой, поздно уже, смена-то моя уже час как закончилась. А ты, наверное, на ночную сестру-то пришла. А как же теперь будешь ночью-то? Вот, смотри.

И Надин показала мне маленькую каморку рядом с перевязочной, там стоял большой сундук, на котором лежало что-то типа матраса.

— Вот здесь запирается, и можно немного поспать, — заговорщицки сказала Надин.

Надин ушла, а я пошла к операционной, из которой выходил доктор Джозеф и с ним второй, тот, что скептик.

— Доктор Листер, мне надо с вами поговорить, — сказала я.

— Голубушка, вы наверняка тоже устали, — вздохнув, произнёс доктор Джозеф, — идите домой, сегодня я вас от-

пускаю.

— Но... — попыталась возразить я.

— Никаких «но»! Придёте завтра — и всё оформим.

— Можно мне остаться на дежурстве? — сделала я ещё одну попытку.

Доктор Джозеф повернулся к молодому:

— Посмотри, Пьер, какие нынче девицы пошли, готовы круглые сутки работать. — Потом снова повернулся ко мне. — Идите домой, завтра придёте утром, работы будет много, больница переполнена, а на ночь я оставлю кого-нибудь из мужчин.

— Но мне некуда идти! — выпалила я. — Я не успела снять комнату.

— Пойдите, какую комнату? — удивился доктор Джозеф. — Вы же мисс Тусен?

— Нет, меня зовут Лейла Кроули, и я ищу работу в больнице, потому что хочу стать доктором.

Пьер хмыкнул, а вот доктор Джозеф внимательно на меня посмотрел.

— Пойдёмте, мисс Кроули, всё мне расскажете.

Доктор Джозеф попрощался с Пьером, и мы пошли с ним в кабинет. По пути я ещё раз обратила внимание на то, что, по сравнению с теми больницами, куда я уже заходила, здесь даже после того хаоса, случившегося сегодня, полы, стены, бельё на срочно вытасканных откуда-то кроватях, которые

стояли в коридоре из-за невозможности всех разместить в палатах, — всё выглядит гораздо чище. И даже запах в этой больнице был именно больничным: пахло лекарствами и... карболкой[1].

[1] Точнее, карболовая, или угольно-масляная, кислота. Это фенол, изначально добытый из каменноугольной смолы (современное название этого вещества — гидроксibenзол). Карболкой называли пятипроцентный водный раствор фенола, который широко применялся в качестве дезинфицирующего средства.

«Если здесь есть карболка, — радостно подумала я, — значит живём! Вот только почему в других больницах я не заметила этого запаха»

Кабинет главного врача был небольшим и очень аскетичным. В целом вся больница не отличалась роскошью, как те больницы, расположенные ближе к центру города.

— Итак, мисс Кроули, — произнёс доктор Джозеф, усаживаясь за небольшой стол и показывая мне на стул для посетителей.

— Вы уже поняли, что я перепутал вас с мисс Тусен, которую мы ждали как раз сегодня. Мисс Тусен собиралась приехать к нам, она закончила школу сестёр милосердия в Лихтенштейне, и я, признаться, увидев вас с чемоданом, решил, что вы и есть она, — продолжил доктор.

Я молчала и доктор, увидев, что я пока не собираюсь ничего говорить, спросил:

— Так кто же вы и откуда, мисс? Признаться я поражён вашим подходом, ещё никогда не слышал про...мм... «сортировку». Но должен признать, что благодаря вам мы справились и многие люди выжили, получив своевременную помощь.

Настала моя очередь, и я поняла, что доктор Джозеф и его маленькая больница — это мой шанс.

— Я сегодня выпустилась из приюта, доктор Джозеф и шла договариваться о ночлеге, но увидела раненых, испуганных людей, идущих в сторону вашей больницы, и не смогла пройти мимо. И я очень хочу работать в больнице, мечтаю стать доктором, — выпалила я

Доктор Джозеф внимательно посмотрел на меня, видимо, именно сейчас решалась моя судьба.

Спустя несколько бесконечно долгих секунд он ответил:

— Вы поступили так, как должен поступать каждый доктор, который давал клятву доктора*, а это значит, что у вас есть на то призвание и вы подходите на эту профессию.

«Если здесь есть карболка, — радостно подумала я, — значит, живём! Вот только почему в других больницах я не заметила этого запаха?»

Кабинет главного врача был небольшим и очень аскетичным. В целом вся больница не отличалась роскошью, как те больницы, расположенные ближе к центру города.

— Итак, мисс Кроули, — произнёс доктор Джозеф, усевшись за небольшой стол и показав мне на стул для посетителей.

— Вы уже поняли, что я перепутал вас с мисс Тусен, которую мы ждали как раз сегодня. Мисс Тусен собиралась приехать к нам, она закончила школу сестёр милосердия в Лихтенштейне, и я, признаться, увидев вас с чемоданом, решил, что вы и есть она, — продолжил доктор.

Я молчала, и доктор, увидев, что я пока не собираюсь ничего говорить, спросил:

— Так кто же вы и откуда, мисс? Признаться, я поражён вашим подходом, ещё никогда не слышал про... мм... сортировку. Но должен признать, что благодаря вам мы справились и многие люди выжили, получив своевременную помощь.

Настала моя очередь, и я поняла, что доктор Джозеф и его маленькая больница — это мой шанс.

— Я сегодня выпустилась из приюта, доктор Джозеф, и шла договариваться о ночлеге, но увидела раненых, испуганных людей, идущих в сторону вашей больницы, и не смогла пройти мимо. И я очень хочу работать в больнице, мечтаю стать доктором, — выпалила я.

Доктор Джозеф внимательно посмотрел на меня. Видимо, именно сейчас решалась моя судьба.

Спустя несколько бесконечно долгих секунд он ответил:
— Вы поступили так, как должен поступать каждый док-

тор, который давал клятву доктору[1], а это значит, что у вас есть на то призвание и вы подходите на эту профессию.

[1] Здесь в авторской версии реальности клятва Гиппократа заменена на клятву доктора.

Доктор снова замолчал, на этот раз молчание длилось несколько дольше. Наконец он сказал:

— Но чтобы стать доктором, надо долго учиться, одного призвания недостаточно.

«Если бы вы знали, доктор Джозеф, сколько я училась, чтобы стать врачом», — горько подумала я про себя, понимая, что в этом мире мне нужно снова получать диплом.

Вслух же сказала:

— Да, доктор Джозеф, я знаю и готова, но мне надо с чего-то начинать, и я была бы вам благодарна за работу санитаркой. Насколько я знаю, для того, чтобы убирать помещения больницы и следить за чистотой, не нужно иметь диплома об образовании, а у меня к тому же имеются ещё и знания. Я много читала.

— Мисс Кроули, к сожалению, у меня нет свободного места, — нахмурившись, как будто ему было неприятно об этом говорить, произнёс доктор Джозеф.

— А если мисс Тусен не приедет, — спросила я, — то место появится?

— Вряд ли она не приедет, — ответил мне доктор, — всё

же девушке в медицине сложно найти работу, особенно в нашем королевстве. Но сегодня я буду рад, если вы останетесь, потому как больных много, есть тяжёлые, а кроме меня и доктора Вильямса, больше никого нет. Я отпустил другую сестру, потому что ожидал приезда мисс Тусен. Она как раз должна была занять место ночной сестры милосердия[1].

[1] В 1617 году во Франции священник Викентий Поль организовал первую общину сестёр милосердия. Он впервые предложил это название – «сестра милосердия», «старшая сестра».

И здесь мне пришла в голову мысль, и я сразу её высказала:

— А вы, доктор Джозеф, могли бы принять у меня экзамен на сестру милосердия?

— К сожалению, нет, мисс Кроули. Экзамен принимает специальная комиссия, и там есть два момента. Первый — экзамен можно сдать без обучения.

Услышав это, я уже обрадованно набрала воздуха, чтобы сказать, что я прямо завтра пойду и сдам экзамен, но доктор Джозеф продолжил, опустив меня с небес на землю:

— И второй момент: чтобы сдать экзамен, вы должны заплатить тысячу крон.

Я буквально услышала, как со звоном бьющегося стекла разбились мои надежды на быстрый успех.

Видимо, увидев мои округлившиеся от озвученной суммы глаза, доктор пояснил:

— Собирается комиссия, а каждый из комиссии — занятой человек, и поэтому такая цена. Но обучение стоит дороже, поэтому многие стараются выучиться сами и сдать экзамен.

— Да, доктор Джозеф, вы же понимаете, что у меня, девочки из приюта, нет таких денег, — сказала я. Не замечая, как глаза округляются уже у доктора Джозефа, я продолжила: — Но мне нужна работа, и я была бы благодарна за любую. Возможно, мне удастся накопить на экзамен.

Доктор Джозеф Листер обещал подумать, а я пока осталась в больнице. Пусть и на одну ночь, но мне не надо было идти на улицу, где меня наверняка поджидали люди мадам Лестар.

Ночь выдалась беспокойная, у многих, особенно после хирургического вмешательства, поднялась температура. Пенициллина здесь пока не было. Но доктор Джозеф уверенно использовал карболку в качестве антисептика.

Я восхитилась, но посоветовала немного снизить концентрацию, чтобы исключить возникновение раздражений. И у нас состоялся научный спор, в результате которого мне было предложено доказать свои слова опытным или лабораторным путём.

Так я подписалась на создание фукорцина[1].

[1] *Фукоцин — лекарственное средство с антисептическим и противогрибковым действием. Фукоцин обладает характерным ярко-малиновым цветом.*

Вообще, доктор Джозеф много говорил о санитарии и обеззараживании. И я понимала, что либо это мне повезло познакомиться именно с доктором Джозефом, который, возможно, первым понял, как важны обеззараживание и чистота, либо здесь уровень медицины повыше, чем был в моём мире в это же время.

Полного понимания, где я оказалась, у меня пока не было, но я уже знала, что королевство называется Британия, что это не остров, как в моём мире, а расположено королевство на материке.

Под утро доктор Джозеф отправил меня и практически падающего от усталости доктора Вильямса (это тот адекватный мужчина, который первым поддержал идею о сортировке) поспать хотя бы пару часов перед тем, как придут остальные.

— А как же вы? — спросила я взволнованно.

По старой привычке я могла не переживать за своих. А доктор Джозеф за эту ночь, когда мы плечом к плечу боролись вместе, отвоёвывая людей у костлявой старухи, стал своим. Даже если он и доктор Вильямс пока этого не знали.

Но Джозеф Листер не просто так занимал должность главного доктора, тон у него стал жёстким, и я, больше ни о чём

не спрашивая, пошла в каморку, которую мне показала сердобольная Надин.

А когда я проснулась, меня ждал сюрприз.

Визуалы к главе.

Очень хотелось изобразить Лейлу в хирургическом халате.

Дорогие мои! Сегодня хочу рассказать вам о ещё об одной книге нашего лит.моба Доктор-попаданка
<https://litnet.com/shrt/hnD4>

Глава 4.

Во-первых, я проспала и проснулась я только потому, что Надин зашла за мной в каморку с кружкой горячего напитка, очень напоминающего кофе. Я вспомнила: это был цикорий. Я, если честно, его ненавидела, потому как пила его вместо кофе последние тридцать лет, но сейчас аромат и вкус напитка показались мне божественными после тяжёлого дня и бессонной ночи.

А во-вторых, Надин, которая уже была в курсе про путаницу со мной, сообщила, что в больницу пришла мисс Тусен и сейчас она в кабинете у доктора Джозефа.

Казалось, я должна расстроиться, но вот свойство человека утром, особенно когда в маленькое окошко светит солнце, с улицы слышен щебет птиц, а в руках у тебя чашка с горячим напитком, — ты всё равно наполнен радостью и верой в лучшее. И меня куда больше волновало, почему доктор Джозеф ещё не ушёл домой.

— Неужели доктор Джозеф ещё здесь? — спросила я Надин. — И как он ещё держится?

Надин махнула рукой:

— Таков он, однажды двое суток провёл в больнице, много тяжёлых больных было, детишек. — Потом посмотрела на меня и улыбнулась. — Да ты сама вон сколько проспала?

А я прислушалась к себе и поняла, что выспалась. Вот что

значит восемнадцать лет. Ну и ладно, если меня не смогут взять, сейчас пойду, найду себе место. Главное, я молода, здорова и теперь знаю такого замечательного человека, как доктор Джозеф Листер.

Я потихоньку стала собираться, Надин отвела меня в помывочную и подежурила возле двери, пока я совершала утренний туалет, потому что дверь не закрывалась.

Потом я взяла чемодан и пошла попрощаться с доктором Джозефом.

Постучала в кабинет, услышала разрешение войти. Зашла: за столом сидел доктор Джозеф, а на стуле, где ночью сидела я, расположилась красивая, хорошо одета девушка с серьёзным лицом.

«Мисс Тусен», — подумала я.

— О, Лейла, хорошо, что вы зашли, а я уже хотел послать кого-нибудь вас найти, — хоть и усталым голосом, но обрадованно заявил доктор Джозеф.

Потом встал, откуда-то из-за шкафа достал ещё один стул, поставил перед столом и попросил меня присесть.

Мисс Тусен, если это, конечно, была она, с интересом смотрела на меня. Но как только увидела, что я заметила её интерес, сразу же отвела взгляд.

«Ну надо же, какая деликатная девочка, — подумала я, всё время забывая, что мне теперь восемнадцать, и если приглядеться, то мисс Тусен выглядела старше меня, вероятно, ей было около двадцати двух или двадцати трёх лет».

— Итак, мисс Тусен, знакомьтесь, эту девушку зовут мисс Лейла Кроули, и вчера она случайно отработала за вас. Когда выяснилось, что она — это не вы, то смена практически закончилась, — представил меня и кратко описал ситуацию доктор Джозеф.

Я пока не понимала, к чему он всё это говорит.

Доктор Джозеф встал и сказал:

— Я вас оставлю на несколько минут, скоро вернусь.

Доктор вышел, а мисс Тусен сразу же обратилась ко мне:

— Мисс Лейла... Можно же я буду вас так называть?

Я кивнула.

— Тогда вы тоже называйте меня по имени — Роза. Мисс Лейла, у меня сложилась такая ситуация, что я не могу работать в больнице, — начала мисс Роза. Немного помолчав, добавила, улыбнувшись: — Я выхожу замуж. — Потом посерьёзнела и сказала, вздохнув: — И, конечно же, я не смогу работать ночами, как изначально предполагалось, но другой вакансии в больнице нет, да я думаю, что мой муж, скорее всего, вообще будет против, чтобы я работала.

Я слушала, уже понимая, что мне сейчас что-то будет предложено и, возможно, не совсем законное: не просто же так доктор Джозеф оставил нас вдвоём.

— Но мне так обидно! — воскликнула мисс Роза. — Я училась три года, я поссорилась с отцом, но если я не пройду практику, то мой диплом аннулируют.

В глазах девушки появились слёзы.

Я хотела сказать: «И правильно сделают». Но сдержала себя.

Мисс Роза тем временем, всхлипывая, продолжала:

— Но замуж я тоже хочу и понимаю, что, скорее всего, я никогда уже не буду работать сестрой милосердия, но диплом хотела бы сохранить, а для этого мне надо отработать полгода в больнице.

Мисс Роза замолчала и посмотрела на меня.

— Я хочу вам сделать предложение, мисс Лейла. Доктор Джозеф вас очень хвалил, и он сказал, что вам нужна работа, но он не может вас взять на должность сестры милосердия, потому как официально бумаги у вас нет. И я думаю, что здесь мы с вами можем помочь друг другу.

Мисс Роза снова замолчала на несколько секунд, будто пытаясь подобрать слова, а потом выпалила, словно с вышки прыгнула:

— Я предлагаю вам устроиться на работу по моим документам. — Взглянув на моё лицо, она добавила: — Не думайте, я не буду претендовать на вашу оплату, мне нужно только, чтобы часы отработки вписали в мои метрики.

Для меня это был идеальный вариант, но... Мне нужно было отнести рабочий договор нотариусу Петифо. Хотя...

— А какая оплата у сестры милосердия? — спросила я.

Мисс Роза сразу ответила:

— Шестнадцать крон в неделю.

Я подумала и... согласилась.

Мисс Тусен сразу побежала за доктором Джозефом. Доктор вошёл и, смущаясь, спросил нас обеих:

— Оформляем?

Мисс Тусен с радостным лицом побежала куда-то, а меня доктор попросил задержаться.

— Мисс Кроули, это, конечно, не лучший выход, но хотя бы несколько месяцев у вас будет работа, которую вы хотели, и оплата. Правда, это тяжело — всё время работать в ночную. И вам всё равно придётся решать вопрос с обучением.

— Спасибо вам большое, — ответила я. — Я тоже считаю, что это оптимальное решение.

Доктор вздрогнул и снова странно на меня взглянул.

А я себя мысленно отругала: «Ну не говорят девочки из приюта так, как старые умудрённые бабки. Пора перестраиваться».

Эх, жаль, что нельзя в больнице и жить пристроиться. Но делать нечего. Попрощалась с доктором, который тоже стал собираться, до вечера и пошла по адресу, напротив которого Лейла написала две кроны.

Здание, расположенное по адресу, указанному Лейлой, было в десяти минутах ходьбы от больницы, и это был несомненный плюс. А вот несомненный минус состоял в том, что это была ночлежка, принадлежащая рабочему дому[1].

[1] *Работные дома в Англии разделялись на принудительные и добровольные. Принудительные работные дома зача-*

стю совмещались с тюрьмами, а добровольные — с богадельнями, приютами. Дома создавались как государственной властью, так и частными лицами.

В работном доме были общие спальни, а я была не готова спать в одной комнате с ещё двадцатью соседками. Скорее всего, Лейле было не привыкать, и для неё такой способ проживания был приемлем. И ещё я не могла подтвердить, что я работаю, и это могло привести к тому, что меня бы заставили работать на работный дом.

Мне надо было искать жильё. Я вспомнила, что Тина рассказывала про Стеллу, девочку, которая выпустилась на год раньше и которую не взяла мадам Лестар. Помнится, Тина говорила, что Стелла где-то недорого снимает комнату. Я отошла в сторону, присела на потрёпанный, но ещё крепкий чемодан и достала тетрадку, куда записала примерный адрес.

Место, где проживала Стелла, располагалось на другом конце города, но с моим шагом я могла дойти туда примерно за полчаса, может, за сорок минут. И я пошла, периодически посматривая на карту. Сперва я шла по довольно широким оживлённым улицам. Пару раз оглянулась: всё-таки меня не оставляла мысль о том, что говорили девочки в приюте. И когда, по моим расчётам, мне оставалось около десяти минут и нужно было свернуть в переулок, в конце которого располагался нужный мне дом, дорогу мне перегородили двое мужчин.

Глава 4 (продолжение)

Мужчины были одеты в добротную, но небогатую одежду. Выглядели такими работягами в выходной день. Я отступила на шаг назад и спросила:

— Кто вы и что вам нужно?

Один из мужчин сделал шаг ко мне, и я приготовилась огреть его чемоданом и бежать обратно к оживлённым улицам.

Вдруг неожиданно он произнёс:

— Миса, мы это... нас это, папка послал... а вы, это... такая, это... шустрая... еле, это... мы вас, это... догнали.

Увидев, что никто не собирается проявлять агрессии, я немного успокоилась, однако свой план с чемоданом решила не менять.

Заметив, что я готова его выслушать, мужчина продолжил:

— Вы, миса, это... вчера папку нашего, это... спасли, значить. Он нас, это... послал за вами, это... отблагодарить, значить. Может, это... вам чего нужно?

Мужчина, выговорив, наверное, самую длинную фразу в своей жизни, облегчённо вздохнул.

Я, надо отметить, тоже облегчённо вздохнула. И решила спросить про жильё. А что? Видно, что люди рабочие, наверняка и отец, и эти двое работают на фабрике, где произо-

шёл взрыв, возможно у них есть дом или жильё, и лишние деньги им тоже не помешают.

— Я ищу жильё, — сказала и внимательно посмотрела на мужчин.

Мне показалось, что они обрадовались. Вероятно, думали, что я попрошу деньги или что-то сложное.

Тот из братьев, который говорил, улыбнулся, обнажив щербатый рот — не хватало одного зуба, — и проговорил:

— Так, это... если не побрезгуете, у нас, это... есть комнатка. Раньше-то сеструха там, это... жила, а теперь, это... к мужу съехала и, это... комнатка свободна.

Вдруг, словно бы вспомнив что-то, вдохнул и даже хлопнул себя по лбу рукой:

— Меня Томом зовут, а это брат мой, Барни, только он, это... не очень хорошо говорит.

Мужчины больше не выглядели опасными, и я решила посмотреть, что там и где, спросила:

— А где ваш дом?

Снова ответил Том:

— Так, это... туда, стало быть.

И махнул рукой в сторону больницы. Я же на всякий случай решила уточнить:

— Далеко ли до больницы от вашего дома и сколько будет стоять?

Здесь замотал головой Барни, а Том, улыбнувшись, ответил, игнорируя вопрос о цене:

— Не-а, это... совсем близко.

— Так получается, что вы шли за мной через весь город?

— спросила я.

Том почесал затылок и ответил:

— Так, это... получается, что так. — Потом по-мальчишески шмыгнул носом и добавил: — А уже, это... увидели, что вы сворачиваете в Уайтчепел, и, это... решили уже вас остановить. Это нехорошее место

А я взглянула внутрь переулка, в начале которого мы стояли с Томом и Барни, и поняла, что и запах оттуда идёт странный, и мусор, и вообще он какой-то весь тёмный.

Том потянул у меня из руки чемодан:

— Миса, это... пойдёмте уже.

И мы пошли обратно. К тому моменту, когда мы дошли наконец до дома семейства Белтон, время подошло к обеду.

Домик у семейства был небольшой, но кирпичный и даже с палисадником. В доме вкусно пахло едой. А главу семейства, который и послал за мной сыновей, я вспомнила.

Хотя то, что я его спасла, было громко сказано. У него осколок чего-то металлического попал в ногу, и если бы мы его сразу не отсортировали, то могло начаться заражение, а так он попал в первые ряды, и доктор Джозеф со своей карболовой терапией остановил процесс и зашил ему рану.

А сегодня с утра, как оказалось, мистера Оскара Белтона выпустили из больницы, и он слышал, что я говорила с Надин, что пойду искать жильё, и послал за мной своих сыно-

вей.

Мать Тома и Барни, супругу мистера Оскара, звали Элис. Элис и Оскар были совершенно друг на друга не похожи. Если Оскар был высоким, крепким мужчиной с рыжими волосами, в которых уже щедро рассыпалась седина, и хмурым лицом, прорезанным глубокими морщинами, то Элис была вся маленькая и кругленькая, светловолосая и улыбчивая. Морщин у неё будто не было вовсе.

Сыновья тоже были высокими и рыжими — в отца.

Бывшая комната дочери, оказалась не такой уж и маленькой, почти такой же, в какой я пришла в себя в приюте. Комната была чистая и уютная, окно было небольшое, но это и понятно, большие окна не делали, потому что важно было сохранить в домах тепло.

Я решила сразу договориться об оплате. Мистер Оскар делал обиженный вид, но когда мы решили, что платить я буду четыре кроны в неделю, то он поставил условие, что питаться я буду с ними, и на этом успокоился.

Было видно, что, поскольку трое мужчин в семье работают, нищеты в доме нет, но и живут не сильно богато.

Так я и на работу устроилась, и вопрос с жильём решила.

Постепенно и осторожно выяснила, куда попала. Из разрозненных кусков собиралась следующая картина. Я оказалась в королевстве Британия, но располагалось оно не на острове, как в моём мире, а на материке и граничило с княжеством Лихтенштейн, Франкией и Германской империей.

Столицей Британии был город Лондиниум, где я и оказалась.

Больница, в которой я теперь работала под именем мисс Тусен, и дом семьи Белтон, располагались в Ист-энде, и это был один из бедных районов столицы.

Доктор Джозеф Листер действительно оказался человеком, опередившим своё время, и тем, кто один из первых начал применять методы обеззараживания. За пропаганду этого и, видимо (даже скорее всего), из-за зависти коллег был смещён с поста главного врача центральной больницы имени Святого Георга и перемещён в эту больницу, которая носила название Харли-стрит — просто по названию улицы, на которой находилась, — была дотационной и располагалась в бедном районе.

Королева курировала все бедные больницы Лондиниума, и поэтому персонал получал оплату более-менее вовремя, но ставок было мало, а работы много.

Первые две недели я летала на работу. С утра, сдавая свою смену, я иногда задерживалась и пересекалась с доктором Джозефом, с которым удавалось переговорить. Я указывала ему на тех больных, на кого надо обратить внимание. Сперва доктор удивлялся и даже пытался отмахнуться, но после двух раз, когда мои замечания действительно были критическими для спасения пациентов, даже сам начал меня вызывать, что невероятно раздражало самого молодого доктора, который был не совсем доктором, а что-то вроде интерна. Звали его Пьер Шушель.

Чего мне стоило удержаться, впервые услышав его фамилию, сама не знаю. Но что-то, видимо, отразилось на моём лице, и он, похоже, мне это не простил.

И это привело к непредвиденным сложностям.

Глава 4 (продолжение)

Пьер Шушель отучился четыре года в университете на медицинском факультете и как раз недавно сдал экзамен. Теперь ему надо было отработать интерном два года, чтобы получить практику и сдать экзамен на доктора. Денег в его семье было немного, поэтому варианты отработки практики после экзамена особо выбирать было не из чего.

Пьер сначала сунулся в крупные центральные больницы, но в одной уже было два интерна, которые приходились кому-то родней, а в другой с него вообще попросили денег. И тогда Пьер пошёл туда, куда никто с его курса идти не хотел, — в небольшую бедную больницу на окраине столицы.

И уже здесь он понял, как ему повезло. Пьер знал про Джозефа Листера и втайне поддерживал его начинания. После того как доктора Листера подвергли обструкции и осудили его карболовые методы, Пьер стеснялся поддерживать доктора Листера вслух. Но был рад, что его не взяли в богатые больницы и он имеет возможность учиться у Джозефа Листера.

Пьер не был самым умным, но он был хитёр и видел, что у Джозефа Листера, благодаря его методам, смертность гораздо ниже. И каким-то житейским умом понимал, что пройдёт совсем немного времени, и все будут возносить доктора Листера за его инновации. Тем более что доктор с радостью

делился опытом, да и работы в бесплатной клинике всегда было много, что способствовало практике.

Но вот выскочка (так про себя Пьер называл Лейлу), которая взялась совершенно ниоткуда, сразу заполнила собой почти всё время, остававшееся от лечения больных у доктора Джозефа. Утром он первым делом шёл и говорил с ней, даже днём он всё время её приводил в пример и хвалил.

«Ах, в каком порядке у нас стали лежать лекарства!» Или «Ах, как шикарно сделаны перевязки в травме», «Ах, в детском отделении стало гораздо чище».

Пьер мог бы привести ещё много таких «Ах!» в честь выскочки, у которой не было ни диплома, ни образования. И вот интересно, откуда у неё такие знания?

Если бы он не знал точно, что доктор Листер имеет принципиальную позицию в делах протекции, то подумал бы, что выскочка — чья-то протее.

А она ещё и вздумала улыбаться, когда называли его фамилию.

У Пьера Шушеля фамилия была больным местом. Его дразнили в школе, в университете, и вот теперь какая-то выскочка ещё и здесь будет над ним насмехаться.

Но Пьеру же всегда везло... И сегодня он случайно услышал, что, оказывается, выскочка работает не под своей ставкой. И он пошёл в канцелярию. Там работал сухонький старичок, которому, по мнению Шушеля, давно было пора на покой.

Пьер не стал ему угрожать или ругаться, он просто принёс старику табачку. Цена тому табачку была копеечная, а новость, которую старик ему рассказал, стоила гораздо дороже.

Оказалось, что Джозеф Листер принял на работу выскочку без документа об обучении на сестру милосердия. Даже хуже — он принял её по поддельному документу.

Шушель стал обладателем тайны, которая могла ему позволить распорядиться чьей-то судьбой, и это вознесло Пьера Шушеля в собственных глазах почти до уровня бога.

Но Пьер же был хитрый. Он решил пока не доносить, но не сказать о том, что он в курсе преступной махинации выскочки, Пьер не мог.

Поэтому сегодня он задержался на работе, ожидая, когда выскочка придёт на свою смену.

Лейла

Я шла на работу, понимая, что долго так не протяну. Было очень тяжело работать ночами. Да, днём мне удавалось поспать несколько часов, но организму нужен был именно ночной сон. А больница Харли-стрит не спала по ночам. Больных было много, и почти все они были «тяжёлые». Потому что рабочий люд с лёгкими травмами или простудой в больницу не шёл: им работу нельзя было пропускать.

Сегодня даже Элис заметила, что я стала бледная и часто замирала с отсутствующим выражением на лице.

На самом деле я думала, как и где взять деньги, чтобы

сдать этот экзамен. Мы уже говорили с доктором Джозефом, что если бы у меня был сертификат, то он бы пробил ставку медсестры, а не просто ночной сестры милосердия. Я ему и сама предложила, что надо брать людей, которые будут работать сутки через двое, а лучше бы через трое. Потому как только ночью работать не только тяжело, но и дневные часы упускаются, и получается, что ты не видишь всего процесса с момента приёма, помощи докторам — и уже потом шла ночная поддержка.

И думала я об этом постоянно, но не находила решения. Продать мне было нечего, денег занять тоже не у кого, если только запатентовать какое-нибудь открытие, которого нет ещё, украв славу, например, у Флеминга[1]. Но на кухне у семьи Белтон пенициллин не получишь.

[1] Сэр Александр Флеминг — британский микробиолог. Открыл лизоцим и впервые выделил пенициллин.

Поэтому и сегодня на работу шла, задумавшись, и не заметила, как налетела на кого-то.

Этим кем-то оказался Пьер Шушель, проходивший интернатуру в больнице. Я ему тихо завидовала. Пьер был вполне симпатичным молодым парнем, но как человек он почему-то вызывал у меня отторжение. И сегодня я поняла почему.

— О чём задумались, мисс Кроули? — каким-то стран-

ным тоном спросил меня Пьер.

— Добрый вечер, мистер Шушель. — Чёрт меня дёрнул назвать его по дурацкой фамилии, которую он, судя по всему, не очень-то и любил.

— Так о чём вы задумались, мисс Кроули. Или, может быть, мисс Тусен?

Глава 4 (продолжение)

«Ах ты какой приткий выискался! — подумала я. — Знала я таких шустрых. Значит, где-то услышал или кто-то рассказал, а он, значит, решил девушку шантажировать».

— Мистер Шушель. — Я уже намеренно выделила его фамилию. — У вас с глазами что-то? Или с памятью? Я же вам говорила, как меня зовут. Если проблемы с памятью, то это может помешать вам стать доктором.

Я высказала и попыталась его обойти, но не учла, что Шушель — продукт своего времени. Он ловко ухватил меня, стыдно сказать, за шкурку, платье впилося в шею, притянул к себе и, брызгая слюной, прошипел мне прямо в лицо:

— Ты что, маленькая шлюха, не знаешь своего места? Ну так я тебе покажу.

И свободной рукой больно сжал мне грудь.

«Ах ты сволочь!» — подумала я и изо всех сил ударила его коленом в пах.

Коленка у меня была тощей и острой, платье — тонким, так что ничто не смягчило удара, и Шушель, взыв, выпустил меня и согнулся. Я никогда не занималась борьбой, но здесь не удержалась и сумочкой со всей силы треснула его по голове.

— Простите, мистер Шушель, но я больше не могу с вами разговаривать, мне пора, — специально пропела нежным

голоском и пошла к углу улицы, где меня обычно встречал кто-нибудь из братьев Белтон.

Встречать они меня стали после того, как мистер Белтон-старший заметил, что за домом кто-то следит, а узнав, что я из приюта, сразу построил предположение, которое, в общем-то, было недалеко от правды. И собрав вечером всех за ужином, сказал:

— В общем, так, за нашей Лейлой кто-то следит, скорее всего, с нехорошими намерениями, поэтому ты, — он ткнул пальцем в Тома, — и ты, — он ткнул в Барни, — будете по очереди, как со смены она пойдёт, встречать её и провожать до дома.

Так я стала ходить под присмотром. Но мне так было даже спокойнее.

Сегодня меня встречал Том, но, видимо, подошёл несколько позже и не видел всю сцену с Шушелем, поэтому спросил:

— Что за хлыщ? За что ты его так?

— Руки распускал, — ответила я, не подумав, что сыновья мистера Белтона, несмотря на то что жили небогато и не могли похвастаться хорошим образованием, были воспитаны настоящим мужчиной. Они не могли пройти мимо, если кого-то обижали.

А здесь ещё и я, практически младшая сестрёнка. Я чувствовала, что эти люди так ко мне и относятся, быстро и всем сердцем приняв меня в семью.

В общем, Том взглянул на мою шею, покрасневшую оттого, что воротник на некоторое время впился, но ничего не сказал. И я забыла про это.

И некоторое время всё было спокойно. Правда, на следующий день утром я всё-таки рассказала о Шушеле доктору Джозефу. Но доктор сказал, чтобы я не волновалась и что он решит вопрос с Шушелем.

— Пьер — хороший мальчик, — сказал доктор Джозеф, которого такие же вот «хорошие» мальчики выкинули из центральной больницы на бедную окраину города.

Но доктор знал Шушеля дольше, чем я, поэтому я подумала, что, может, я правда зря переживаю. Если Шушель до сих пор не донёс, может, он только пугал?

Может, так бы оно и было, если бы Том и Барни не приняли решение втихаря проучить Шушеля.

И однажды, придя утром домой со смены, я обнаружила на кухне заплаканную Элис и нервно курящего мистера Белтона.

— Что случилось? — спросила я, пытаюсь унять охватившую меня тревогу.

— Мальчиков арестовали, — убитым голосом произнесла миссис Белтон.

— Как арестовали? За что? — воскликнула я, не представляя себе, что могли натворить огромные добродушные и чуть туповатые парни.

Элис снова залилась слезами, достала из кармана юбки

платок и, приложив его к глазам, сказала:

— Говорят, избili какого-то... А он возьми да и подай на них в полицию. Теперь, наверное, осудят и на каторгу отправят. — Элис снова залилась слезами.

А я поняла, кого могли избить Белтоны. Шушеля! Посмотрела на мистера Белтона и спросила:

— А если избитый заберёт заявление из полиции?

— Отпустить должны, — глухо ответил мистер Белтон, казавшийся спокойным, но я видела, что и ему очень непросто.

— А ты куда? — спросил он меня, увидев, что я снова начала одеваться.

— Да на работе кое-что забыла.

Я не стала говорить, что собиралась к Шушелю: узнать, что с ним, и попросить забрать заявление.

Думала, что придётся идти к нему домой, но Шушель оказался на работе и выглядел живым и здоровым. У него даже синяков не было.

Увидев меня, Шушель мерзко улыбнулся. Я подошла и спросила:

— Поговорим?

— Что? Как любовников твоих забрали, сразу прибежала? — всё так же мерзко улыбаясь, спросил Шушель.

— Что вы хотите? — не стала я ходить вокруг да около, да и доказывать что-то такому человеку, как Пьер Шушель, мне не хотелось. Всё равно не поймёт.

— Я хочу, чтобы ты ушла из больницы и не занимала чужое место, — тоже прямо заявил Шушель.

— Если я уйду, вы заберёте заявление? — спросила я, совершенно не понимая, чем интерну Шушелю могла помешать ночная сестра милосердия.

— Если ты заплатишь мне сто монет, то, так и быть, заберу заявление, — заявил этот рылорождённый, да простят меня славные хрюшки.

— Хорошо, — сказала я, тоже перейдя на «ты». — Будут тебе сто монет, забирай заявление.

— Э, нет, нашла дурачка! Сначала деньги, потом уходишь из больницы, потом я иду в полицию.

— Да ты, видно, думаешь, что я дуручка. Пока я деньги искать буду, парней уже осудят и отправят на каторгу. И увольняться мне уже будет незачем, — решила я надавить на нахального Шушеля.

На лице будущего доктора, отчего мне уже стало страшно, отразился мыслительный процесс.

— Ну ладно, — спустя некоторое время выдал он, — иди скажи доктору Листеру, что ты больше не будешь работать, что передумала становиться врачом, а потом я пойду в полицию. Но если денег не принесёшь, то у меня есть три дня, чтобы вернуть твоих бандитов в кутузку. Не принесёшь деньги на третий день, отнесу заявление обратно в полицию.

— Если сегодня братья не вернутся домой, я тебя убью, — в ответ сказала я Шушелю.

— Бешеная. — Он сплюнул в сторону. — Вернутся, готовы монеты.

«Где же взять деньги? Я ведь, пока нет образования, не могу даже никакое изобретение продвинуть: не примут, да ещё и выкинут куда-нибудь, вон как Джозефа Листера».

Доктора Листера я нашла в палатах на обходе и... не смогла ему ничего сказать. Он так обрадовался, увидев меня.

— Лейла, как хорошо, что вы ещё не ушли. Посмотрите, какой интересный случай. Что думаете? — спросил доктор Джозеф, показывая мне на больного, у которого на ноге уже была наложена шина, причём именно такая, какую я посоветовала накладывать, используя гипс[1].

[1] Советско-российская историография считает изобретателем гипсовой повязки русского хирурга Николая Ивановича Пирогова. С 1852 года Николай Пирогов и его последователи успешно применяли гипсовую затвердевающую повязку для лечения переломов.

И сегодня доктор Листер впервые получил возможность применить эту практику. До этого, а рассказала я доктору об этом неделю назад, никаких сложных переломов не было. И вот сегодня как раз привезли мужчину со сложным переломом ноги, и доктор Листер сразу же применил на нём новую методику.

Мужчина лежал, испуганно вращая глазами, глядя то на доктора Листера, то на меня.

А я подумала: «Вот почему Шушель ко мне прицепился?

Зависть к человеку, который что-то знает лучше, чем он?»

В общем, я ничего не сказала доктору Джозефу. Попрощалась и пошла домой.

Но не успела я выйти из больницы, как прямо передо мной остановилась большая крытая повозка, и пока я пыталась её обойти, из неё выскочили двое мужчин, один из которых приставил мне нож к боку и хриплым голосом сказал:

— Пикнешь — убью.

После чего они затолкали меня внутрь повозки.

Глава 5

Внутри повозки было темно, потому что в ней не было ни одного окна. Я решила не показывать вида, что мне ужас, как страшно и как можно более спокойным голосом произнесла:

— Нож уберите, пожалуйста, нервирует

И то ли от неожиданности, то ли оттого, что понял, что деваться мне некуда, мужчина, втащивший меня в повозку, убрал нож от моего бока, но произнёс:

— Не шали

Меня усадили на лавку, сами мужчины сели напротив друг друга, один на ту же сторону, где и я, а другой на противоположную, перекрыв мне пути к двери.

Мужчины молчали, я тоже решила лишний раз не сотрясать воздух, понимая, что мне вряд ли что-то скажут.

«Посмотрим, — думала я, — вариантов не так уж и много. Наибольшая вероятность, что это мадам Лестар. Второй вариант, который пришёл мне в голову, что кому-то понадобится медицинская помощь.»

Был один случай пару дней назад в ночную смену, двое мужчин принесли мужчину, у него было ножевое ранение, из врачей был доктор Стен Вильямс. В отличие от интерна Шушеля, уже взрослый и состоявшийся врач. Он был последователем Джозефа Листера и, когда того отовсюду выгнали, то осознанно пошёл вслед за своим учителем.

Так вот доктор Стен хотел оставить раненого до утра, когда появится кто-то из врачей, потому что один он не решился оперировать. И я предложила ему помощь, ассистировать в операции.

Я же не всегда была педиатром, во время большой войны, меня, как и остальных врачей направили на работу в полевой госпиталь, там я и получила опыт работы с подобными ранами.

Я уговорила доктора Стена, потому что видела, что раненый может и не дожить до утра. И в какой-то момент доктор Стен передал ведение операции мне, сам начав ассистировать. Уже после операции, когда мы сидели и пили горячий чай, он спросил меня о том, где я научилась так шить и вести операции.

Я лишь пожала печами, и доктор не стал меня больше спрашивать, за что я была ему благодарна.

А когда я пришла на следующую ночь на свою смену, то больного уже не было и на мой вопрос, куда он делся, Надин мне ответила, что за ним приехали и увезли.

— Видно же, что состоятельный парень, а у нас же никаких условий для таких, — протирая тряпкой полы, сказала Надин

А я подумала, что у нас-то в больнице, во многом благодаря подходам Джозефа Листера, условия как раз намного лучше, чем предлагаю другие. Возможно палаты у нас и переполнены, зато чисто и инструменты обрабатываются, а

доктора и персонал моют руки.

Я ещё тогда подумала, что вряд ли этот мужчина какой-то аристократ, скорее всего наоборот, он связан с криминальной средой и возможно, что, не последний человек в криминальной иерархии.

Вскоре повозка остановилась, но мы продóлжили сидеть.

«Скорее всего въезжаем во двор, — подумала я»

И судя по тому, что вскоре повозка снова поехала, въезжали мы куда-то не просто во двор, а в большой двор, потому что повозка проехала ещё какое-то расстояние пока остановилась. И только тогда один из мужчин встал и толкнул дверь. Вылез из повозки и грубовато сказал:

— Выходи

Я вышла, после темноты повозки глазам было неприятно от яркого света. Меня сразу провели в дом. Но то, что я успела увидеть говорило о том, что дом весьма богатый.

Внутри тоже было богато, но мне не дали всё рассмотреть, весьма невежливо ткнули в спину и мне пришлось поспешить вслед за тем, кто «тыкал» в меня ножом, и сейчас поднимался по широкой лестнице.

Меня провели по коридору, и вскоре мы остановились перед дубовой дверью с ручкой, сделанной в виде пасти льва, в которую было вставлено большое кольцо.

Тот, кто шёл впереди, взялся за кольцо и стукнул им о дверь. Спустя несколько секунд дверь открылась. Открыла дверь женщина с усталым лицом, одетая в сероватый хирур-

гический халат.

— Проходите, — немного хриплым, видимо, тоже от усталости голосом сказала она.

Меня снова ткнули в спину. «Этак у меня там синяк скоро появится, — подумала я». Повернулась к тому, кто находился позади меня и сказала:

— Хватит уже толкать меня, можно просто сказать

— Иди уже, принцесса, — хохотнув сказал это мужлан и снова ткнул меня в спину.

В комнате было душно и пахло болезнью. Я прошла вперёд и остановилась перед большой кроватью, на которой на высоких полушках лежал тот, кого мы с доктором Стеном прооперировали несколько дней назад.

«Не бордель, — облегчённо вздохнула я про себя»

Выглядел наш пациент плохо. У него явно была высокая температура и не первый день, судя по горячечному блеску в глазах и кругами под глазами, отчего глаза казались ввалившимися.

Я поняла, что началось воспаление и первое, что сделала, скомандовала проветрить помещение.

Женщина, судя по всему, сиделка неуверенно посмотрела на того мужчину, который первым вошёл в дверь. Он кивнул, и она направилась к окну.

— Майкл, смотри, кого мы тебе привезли, — неожиданно с заботой в голосе произнёс он.

Я подошла ближе к кровати, потянулась откинуть одеяло

с бедра, где, собственно, и была рана. Мужчина вцепился в одеяло и не дал мне этого сделать.

— Йен, — глухим голосом произнёс тот, кого называли Майклом, — зачем

— Пусть она посмотрит, я видел, тогда в больнице, этот доктор слушал, что она говорила.

Йен подошёл и осторожно убрав руку Майкла, откинул одеяло. На мужчине была длинная сорочка, примерно до колен, я отодвинула ткань и увидела, что нога не перевязана, а на ней лежит что-то типа компресса.

— Что это? — спросила, убирая с раненой ноги это огромное количество тряпья.

Ответила мне сиделка:

— Так дохтур же велели, чтобы охлаждать.

Я, холодея от ужаса спросила:

— И чем же вы охлаждаете?

— Так водой, чем же ещё? — бесхитростно ответила сиделка

Я убрала тряпки и увидела, что рана, которая уже должна была начинать заживать, воспалилась, покраснела и я подозревала, что уже пошло нагноение.

Я могла бы начать спрашивать, почему они забрали своего Майкла из больницы и многое другое, но это никоим образом бы не помогло несчастному. Поэтому я просто начала говорить, что мне понадобится. Пока все убежали выполнять поручения, спросила сиделку:

— Где можно помыть руки?

Та удивлённо на меня посмотрела и... принесла таз с водой. Я помыла руки и заставила сиделку сделать то же самое.

Уже после того, как рана была прочищена, и сделана свежая повязка, а больной, напоенный маковым отваром, ещё спал, я посмотрела на своих «похитителей» и сказала, как можно жёстче:

— Всё теперь везите меня обратно

— Э, нет, мисс не торопитесь, — пусть ваш пациент проснётся, а там видно будет.

Глава 5 (продолжение)

«Эх, — подумала я, — забыла про основные правила, что договариваться надо на берегу. Но я врач, я не могу думать ни о чём другом пока не помогу больному.

Я присела на кресло и... уснула. Всё-таки я была после рабочей ночи и организм затребовал отдыха.

Проснулась сама, в комнате кроме меня и моего пациента, лежащего на кровати, никого больше не было. Встала с кресла, ещё раз удивившись как в молодости хорошо, даже, если поспал пару часов и в неудобном положении всё равно ничего не болит и даже выспался. Подошла к больному, он ещё спал, но дыхание у него уже было ровное, а не прерывистое. Взяла его за руку, чтобы измерить пульс и только приготовилась считать, как вдруг он неожиданно крепко ухватил меня за запястье и прошептал:

— Не уходи, прошу

Я сперва удивилась, но потом взглянула на него и поняла, что он всё ещё спит и ему, измученному болью и горячкой снится что-то.

Но судя по пульсу температура если и была, то уже не высокая. Я задумалась, силя на краешке кровати и вдруг почувствовала взгляд, подняла глаза и увидела, что мой неожиданный пациент уже не спит, а пристально и даже настороженно смотрит на меня.

— Я говорил что-то? — хриплым после сна голосом спросил он

— Вы просто просили меня не уходить, — решила я сделать вид, что всё не так поняла

— Да, — кивнул он, — только не просил, а приказал

— Конечно, господин Майкл, я оговорила, — сказала я, а про себя хмыкнула: «Ох уж эти мужские игры с постоянным «подсчётом баллов», у кого больше»

— Как вы себя чувствуете? — спросила врачебным тоном

— На удивление... хор...лучше, — спустя пару секунд ответил Майкл, видимо постаравшись оценить своё состояние.

Вот теперь и пришла очередь для докторской нотации:

— Зря вы перевелись из больницы доктора Джозефа, там бы не допустили возникновения воспаления. Это очень опасно, вам где-то занесли грязь и могло начаться заражение. Вам повезло, что ваш... э...товарищ, — наконец-то нашла я нужное слово, — догадался, что вам нужна медицинская помощь именно от нас. От персонала нашей больницы, — уточнила я.

— Ну вот, я же говорил, что девку надо брать, — раздался голос из-за спины. И оглянувшись я увидела того, кого Майкл называл Йеном.

Меня покорило то, как несколько развязно прозвучало, но я не стала за то цепляться, просто как можно более холодно произнесла:

— Теперь, наконец, вы можете отправить меня домой.

— Зачем тебе домой, лапуля? — всё так же развязно продолжил Йен, — оставайся здесь, у нас работы для тебя будет много. И мужа тебе кого-нибудь из наших подберём. Чего ты за копейки в больнице будешь горбатиться?

— Спасибо за ваше предложение, — решила не говорить нет, а то неизвестно, как эти криминальные личности среагируют, — но я, пожалуй, откажусь.

— Зря ты, лапуля, отказываешься, будешь под крылом С...

Майкл предупреждающе кашлянул, перебивая, намеревавшегося произнести чьё-то имя Йена.

— Ладно, не ценишь ты нашу доброту, лапуля, — немного сменил тон Йен, и перешёл с развязного на более нейтральный, продолжая, — а на тебя, между прочим, заказ поступил, говорят ты контракт подписала и сбежала.

— Врут, — убеждённо заявила я, точно зная, что ничего не подписывала

Йен расхохотался: — Майкл, посмотри, железная девчонка, другая бы начала оправдываться, а эта сразу вердикт.

Потом обратился ко мне:

— Смотрю на твои умения и верю тебе, что врут, поэтому живи, не бойся, больше тебя никто не побеспокоит и насильно делать ничего не заставит. Зря ты, конечно, отказалась на нас работать, но дело твоё. Ты нам честно помогла, неволить не будем. Сейчас тебя ребята обратно к больнице отвезут.

Пришла сиделка, и я ей в присутствии Йена объяснила,

что и как надо делать. Договорились, что через два дня я приеду и сменю повязку. Строго наказала раньше повязку не снимать и тем более грязной водой не промывать.

— Лучше уж вИски используйте, чем воду, — сказала, взглянув на Йена, который тут же стал ухмыляться, снова переходя на развязный тон:

— Гляди-ка маленькая, а разбирается, что виски лучше воды.

Я строго поджала губы и сказала:

— Господин Йен вы меня поняли, я говорю о повязке, если вдруг она по какой-то причине слетит, и вы меня не найдёте, то можно протереть вИски, но никак не грязной водой.

Йен посерьёзnel и кивнул.

Когда я уже направилась к выходу, он вдруг меня окликнул, спросил:

— Может надо что-нибудь? Денег там или помощи?

Сказала про братьев Белтон, Йен обещал разузнать. А вот про деньги на экзамен говорить не стала. Была уверена, что дадут, но потом я вместо того, чтобы лечить детей, буду зашивать колото-резанные раны и доставать пули из мужчин, а такой судьбы я не хотела.

В той же крытой повозке меня доставили к больнице. Я вышла и остановилась, привыкая к яркому свету. И уже собиралась пойти в сторону дома, когда из-за спины раздался грудной женский голос:

— Мисс Лейла, я бы хотела с вами поговорить

Голос мне показался знакомым, я повернулась и увидела... мадам Лестар, собственной стильной персоной.

Сегодня мадам была в сером костюме, но ткань была не просто серой, а жемчужно-серой. Приталенный жилет, из-под него виднелась чёрная полупрозрачная кружевная блузка, длинная узкая юбка облегла стройные бёдра и длинные ноги мадам Лестар. Моё серое платье смотрелось словно старая застиранная мешковина, по сравнению с костюмом мадам. Ну и, конечно же, на голове мадам была маленькая шляпка в виде мини-цилиндра с небольшой чёрной вуалью.

— У нас с вами нет общих тем для разговора, мадам Лестар, — я ответила жёстко, после обещания Йена уверенности в том, что никто меня насильно никуда не увезёт, у меня прибавилось.

И снова развернулась, чтобы пойти в сторону дома. Но мадам Лестар была настроена поговорить и нагнала меня, что, вероятно, было не просто сделать, учитывая, что она была в туфлях на высоком каблуке, а дороги на Харли стрит не отличались гладкостью.

— Подождите, мисс Лейла, я хочу просто поговорить, — мадам Лестар практически заступила мне дорогу. Я посмотрела ей за спину, там стоял автомобиль и за рулём никого не было, но возле автомобиля стояли двое крупных мужчин, я бы даже сказала «мордоворота». Они смотрели в нашу с мадам сторону, но никто из них не делал попытки нагнать или как-то вмешаться.

«Значит действительно хочет поговорить, — подумала я». А вслух сказала:

— Мадам Лестар, если ваш разговор касается басни о том, что я подписала контракт, то нам не о чем говорить

— Нет-нет, прости, это не моя инициатива и, когда ко мне пришли, я сразу сказала, что ты не подписывала ничего, — улыбнулась мадам Лестар, и на лице её обозначились морщинки, и сразу показалось, что ей больше лет, чем кажется, и стало понятно зачем ей все эти шляпки с вуальками.

Между тем, мадам продóжила:

— Я не заставляю девушек подписывать договоры и была уверена, что все делают это добровольно. Но после случая с тобой, я больше не доверяю мадам Стинк, которая меня уверяла, что всё исключительно по желанию девушек. Ты же видела всё происходит в присутствии нотариуса и по закону.

Я слушала «исповедь» владелицы борделя или дома увеселений. Я ей скорее не верила, чем верила, хотя всё могло быть и мадам Стинк действительно могла «проявлять инициативу». Ведь Лейле кто-то с вечера подлил наркотик.

— Ну допустим, что всё так, как вы говорите, при чём здесь я? — спросила, недоумённо подняв брови.

Мадам Лестар, увидев, что лишние слова с её стороны вряд ли поспособствуют налаживанию контакта, перешла к делу:

— Я поняла, что ты весьма продуманная девушка и всё ре-

шила насчёт своего будущего. Но также я знаю, что ты столкнулась с проблемой.

— Нет у меня никаких проблем, — прямо глядя на мадам сказала я

— Лейла, — вдруг перешла на ты мадам Лестар, — я рада, что ты так уверенно держишься, но как долго ты сможешь работать, имея в канцелярии чужие документы на экзамен? Эта больница курируется её величеством и проверки проходят минимум два раза в год. Что ты будешь делать, если зимой окажешься на улице?

— Ничего, что-нибудь придумаю, — сказала я, всё ещё не понимая, куда клонит мадам.

— А доктор Джозеф? О нём ты подумала? Его тоже выгонят на улицу, — привела мадам «убийственный» аргумент. И, возможно на девочку восемнадцати лет он бы подействовал, но мне-то гораздо больше.

— Он взрослый мужчина и вполне себе отдаёт отчёт в том, что он делает, — ответила я ей, и добавила, — если у вас всё, то я бы хотела пойти домой, очень хочется спать, знаете ли, после ночи

— И долго ты так продержишься? — не сдавалась мадам
В чём-то она была права, но я не могла с ней соглашаться, тем более что она так и не озвучила мне, что за дело её ко мне привело.

Об этом я ей и сказала:

— Мадам Лестар, давайте уже о деле или я пойду

Мадам Лестар вздохнула, как будто бы ей было некомфортно об этом говорить:

— Ну ладно, ты девушка разумная, поймёшь, и если откажешься, то никому не скажешь об этом разговоре.

Мадам Лестар огляделась по сторонам и, понизив голос продолжила:

— Лейла, у меня есть предложение, и, прежде чем ты сразу откажешься я прошу тебя выслушать и подумать. Об этом будем знать только ты и я. Есть один очень высокопоставленный человек, у него проблема с внешностью, он очень редко позволяет себе встречаться с женщинами и сейчас такая ситуация. Девушка нужна чистая и, не настроенная продолжать «карьеру». Одна ночь, полторы тысячи крон и на этом всё. Он в маске, девушка тоже не показывает своего лица, полная анонимность. Я как гарант того, что девушка соответствует требованиям.

Я вот честно такого не ожидала, думала, что мадам предложит лечить девушек из её дома, поэтому стояла и «круглыми» глазами смотрела на мадам, даже забыв о том, что подобные предложения не собиралась выслушивать.

Мадам, видимо ободрённая тем, что я молчу, продолжила:

Если ты согласишься, тебя привезут и отвезут. Деньги получишь сразу как дашь согласие.

— У вас всё? — спросила я, когда мадам Лестар замолчала

Мадам кивнула.

— Прощайте, — проговорила я и направилась к дому.

— Ты обещала подумать, — донеслось мне вслед, — я приду за ответом через два дня.

Я шла к дому семьи Белтон совершенно потрясённая. Что это? Менталитет определённых слоёв населения? Или под-сказка судьбы, как можно решить проблему.

Бессонная ночь и практически полдня стресса, пока меня похищали и возили в дом к некоему Майклу, давали о себе знать. Голова «гудела», и я решила, что подумаю «об этом завтра», как делала одна из моих любимых героинь*.

(**Скарлетт О'Хара – героиня романа Маргарет Митчелл «Унесённые ветром»*)

А в доме был приятный сюрприз. На лавочке перед домом сидели Том и Барни. Вид у них был несколько усталый, но в целом выглядели парни нормально. По крайней мере на видимых местах синяков не было.

Глава 5 (продолжение)

Было очень радостно осознавать, что моя профессия приносит не только облегчение больным, но и пригодилась в таком деле.

Из головы не выходило «предложение» мадам Лестар. Неужели она и вправду думает, что на такое можно согласиться. На дураков рассчитано. Кто будет платить такие деньги за «это», во-первых, а во-вторых, если человек решил идти своим путём, зачем он сам себе будет портить жизнь.

Я поняла, что снова рассуждаю с высоты своего опыта, а вот девочки, которых «выпихивают» из приюта с десятью кронами в кармане и двумя простынями, каково им?

Я вспомнила, как я в первый день пошла искать Стеллу. Мне повезло, что меня догнали и остановили парни Белтон. Это воспоминание заставило меня передёрнуть плечами, я вспомнила как жутко смотрелась та улица.

Уайтчепел, —вспомнила я название и вдруг поняла, что я слышала его раньше. В моём мире там орудовал Джек-Потрошитель.

Неужели и в этом мире он есть? Стало обидно, что я не могу помочь всем. Но в то же мгновение пришло осознание, что пусть не всем, но, по крайней мере Тине я помогу, вот только мне для этого надо «встать на ноги».

Мои размышления прервал Том, который постучал в

дверь моей комнаты и сообщил, что «мамка зовёт на ужин».

Элис Белтон на радостях, что сыновья вернулись и никто их теперь никуда не посадит, организовала праздничный стол. На столе была не только жареная в кляре рыба, картошка и пюре из горошка, но ещё и свиные рёбрышки.

Я смотрела, как Элис с умилением смотрит на сыновей, с удовольствием поглощающих мясо. И радовалась вместе с ними, понимая, что мне очень повезло встретить таких людей.

Поспать мне больше не удалось и после ужина я стала собираться на работу. На подходе к больнице я увидела вышедшего из неё Шушеля, который, заметив меня, перешёл на другую сторону. А ведь я ожидала, что он снова напомнит мне про сто крон. Но, видимо, люди Йена «работают» быстро.

Может мне стоит принять их предложение? Потому как предложение Йена не было ничем неприличным, просто я понимала, что цена входа не будет равна цене выхода. И раз согласившись, мне придётся заниматься этим всю жизнь, а я всё-таки мечтала лечить детишек. Сделать их жизнь менее опасной. Я не знала статистику, но предполагала, что детская смертность здесь была высокой.

Дети, которые попадали к нам больницу в основном, были хроническими и у многих уже в детстве были хронические заболевания.

Недавно в больницу привезли детишек после пищевого

отравления и это натолкнуло меня мысль, что в таких ситуациях можно использовать «морковный суп доктора Моро» *. Что я и сделала, и дети буквально за несколько дней пришли в норму.

*(*Рецепт супа доктора Эрнста Моро при диарее и обезвоживании. Полкило моркови превращается в пюре, заливается литром воды, приправляется тремя граммами соли и упаривается до общего объема в один литр. Образующиеся в этом супе кислые олигосахариды, попадающие в раствор из моркови, мешают бактериям прикрепляться к слизистой оболочке кишечника.)*

Как и обычно в этой больнице, ночь прошла беспокойно. Под утро привезли пьяных парней, которые устроили драку с ножами и теперь представляли страшную картину, хотя при ближайшем рассмотрении выяснилось, что ничего страшного не произошло, просто много мелких порезов и крови.

И это не были криминальные элементы, а простые работяги, которые получив оплату пошли праздновать, ну и что-то не поделили.

Мы с доктором Стеном уже некоторое время работали как два врача. Не знаю, что он обо мне думал, но несколько раз убедившись в том, что мои умения далеко за пределами компетенции сестры милосердия, ночью он доверял мне самой принимать пациентов. Иногда это очень нам помогало, потому что оставалось немного времени, что отдохнуть или быстрее оказать помощь.

Для меня это было не трудно. Плюс практика, хотя я понимала, что это не очень справедливо, выполнять работу врача, а получать оплату, как медицинская сестра, но решила для себя, что это «подготовка к экзамену», который я намеревалась сдать. Пока не знала, как мне найти средства, чтобы заплатить за экзамен, но была уверена, что мои знания помогут. И уже совершенно точно не придётся идти и торговать собой.

Утром хотела задержаться и обсудить с доктором Джозефом возможность патента на «морковный суп»*.

С утра еле дождалась доктора Джозефа, сказывалось то, что прошлым днём мне не удалось толком поспать, а ночь так и вовсе была бессонная.

— Доктор Листер, мне надо с вами поговорить, — сообщила я, как только был закончен утренний обход, после которого я обычно уходила домой.

Пьер Шушель, который работал исключительно днём, но всегда присутствовал на утреннем обходе, напряжённо взглянул в мою сторону. Вероятно, подумал, что я собираюсь пожаловаться на него доктору Джозефу

Я подумала, что, конечно, надо бы доктору об этом сказать, но мне было жаль доктора Листера, у него и так-то вера в людей находилась на низком уровне, а, если я ещё и про «хорошего мальчика» Шушеля расскажу, то он вообще разуберётся в человечестве. А доктор значимая для медицины фигура и его надо беречь.

— Я и сам хотел с вами поговорить мисс Лейла, — улыбнулся мне доктор Джозеф.

И мы прошли в его небольшой кабинет.

— У меня есть для вас хорошие новости мисс Лейла, — радостно начал доктор Джозеф.

Посмотрел на меня весело и сказал:

— Я подавал королеве прошение на стипендию для вас.

Я очень удивилась, потому что мне доктор Джозеф об этом ничего не говорил.

Между тем, доктор продолжил:

— Сегодня я получил ответ. Вас включили в список претендентов на стипендию. А это значит, что вы сможете сдать экзамен бесплатно.

Мне захотелось зааплодировать.

— Но...

«Ну почему всегда есть, но, — подумала я»

— Но экзамен будет проходить в присутствии главного королевского лекаря, декана медицинского факультета королевского университета, и даже возможно Её Величества. Потому как есть три претендента на стипендию, — договорил доктор Джозеф.

— Но почему такое внимание к медицинским сёстрам? — удивлённо спросила я

Доктор Джозеф, в свою очередь, тоже удивлённо на меня посмотрел:

— А разве я не сказал? Это экзамен не на медицинскую

сестру, а на интерна. Сдав его, вы получите возможность практиковать, как начинающий врач, и после практики сможете поступить в университет.

Глава 6

После разговора с доктором Джозефом, который рассказал, что до экзамена осталось чуть меньше двух недель, если, конечно, не будет переносов. Переносы, кстати, были возможны как в одну, так и в другую сторону.

Я уточнила, как мне лучше подготовиться, и доктор Джозеф посоветовал мне... обратиться к Пьеру Шушелю.

— Мисс Лейла, спросите у Пьера, мальчик не так давно сдавал экзамен, возможно, у него сохранились учебники, которыми он сможет с вами поделиться.

Мне захотелось закатить глаза, но я всё равно не стала устраивать доктора Листера и рассказывать ему неприятные подробности о Шушеле. Но решила подойти к Шушелю и попробовать попросить: в конце концов, не убьёт же он меня, а если он вздумает говорить мне противные слова, то я уж как-нибудь переживу. От слов ещё никто не умирал. Но я недооценила доктора Джозефа.

После разговора с доктором пошла в детскую палату, чтобы ещё раз поговорить с мамочками малышей, которых сегодня должны были выписать. Малыши всё ещё были слабыми, но, к сожалению, у бесплатной больницы не было возможности держать пациентов долго. Места всё время не хватало, а бедные люди всё время болели.

Сегодня выписывались трое маленьких пациентов. Дети

попали в больницу после отравления несвежими продуктами, с диареей и сильным обезвоживанием. Им уже помог морковный суп Моро, но я планировала рассказать рецепт супа матерям детей, чтобы они, выписавшись из больницы, долечили своих детей.

Я надеялась, что они ухватятся за эту идею, потому как морковь была доступным и недорогим продуктом.

Рассказала им, что надо делать. Пока рассказывала, обратила внимание, что двое из трёх женщин, будто пропускают всё мимо ушей, а вот одна из них очень внимательно слушала.

Когда я закончила, те двое, что слушали невнимательно, облегчённо вздохнули, и мне показалось, что я даже прочитала их мысли: «Давай, зануда, иди уже отсюда, нам пора».

А вот та, что внимательно слушала, попросила записать ей рецепт.

— Мисс доктор, — обратилась она ко мне.

— Ну что вы, я не доктор, я сестра милосердия, — поправила я женщину.

Но та будто не обратила внимания и повторила:

— Мисс доктор, напишите мне, пожалуйста, рецепт, я попробую, у меня ещё двое детей постарше, их я уже не повезла в больницу, но они так же болели, и я верю, что ваш суп нам поможет.

Я написала ей рецепт и на всякий случай попросила, чтобы она поделилась со своими соседками, если вдруг они всё-

таки осознают, что это им нужно.

А когда я вышла из детского отделения, то сразу увидела интерна Шушеля, стоящего рядом с дверью в палату. При виде меня лицо его стало недовольным.

— Ну ты нахальная, — сразу заявил он мне.

— Мистер Шушель, — снова не стала сдерживаться я и добавила немного яду в тон, — если вы что-то хотели, давайте отойдём от палат.

Я прошла в сторону окна, расположенного в фойе. Оттуда, по крайней мере, пациентам не будет слышно, даже если Шушель станет кричать.

— Ко мне подошёл доктор Листер и сказал, чтобы я дал тебе учебники для подготовки к экзамену, — на удивление спокойно сказал Шушель.

Я с благодарностью подумала о докторе, который снова мне ничего не сказал, но позаботился. Вслух же ответила, на сей раз тоже обычным тоном:

— Да, я собираюсь сдавать экзамен и буду благодарна за помощь с учебниками.

И здесь из Шушеля снова вылезло:

— И насколько ты будешь благодарна?

«Ну что за человек!» — подумала я и ответила так, чтобы поставить его на место:

— Настолько, что похвалю вас своим новым знакомым.

Лицо Шушеля сразу приняло понимающее выражение:

— Всё понятно, откуда у тебя деньги на экзамен

Я промолчала: «Пусть думает что хочет, всё равно такого человека не переубедить».

— Ладно, — наконец сказал Шушель, — завтра с утра принесу.

Я не стала рассыпаться в благодарностях: ещё неизвестно, что он там принесёт. У меня же тоже были кое-какие книги, по которым училась Лейла.

Я не боялась экзамена, понятно, что мои знания и умения намного опережают тот уровень медицины, который есть в этом времени, но наверняка есть специфические заблуждения. И доктор Джозеф Листер — яркий пример того, как прогрессивные идеи считаются неверными и не соответствующими. Поэтому мне бы только просмотреть учебники и понять, что можно говорить, а что — ещё рано.

С этими мыслями я вышла из больницы и поняла, что про морковный суп и патент я доктору Листеру так и не сказала. Но сил возвращаться и снова ждать доктора у меня не было, я уже и так еле стояла на ногах и поэтому решила сделать это завтра.

Вдруг моё внимание привлёк знакомый автомобиль, припаркованный неподалёку.

«Неужели мадам не может дождаться ответа? — подумала я. И сразу следом другая мысль: — И чего она именно ко мне прицепилась?»

Но оказалось, что это не мадам, а её... водитель? Секретарь? Охранник?

Машина как раз стояла в той стороне, куда я обычно шла домой. Я нарочито перешла на другую сторону улицы и пошла, не глядя ни на авто, ни на мужчину, стоявшего рядом с машиной.

Но когда я проходила мимо, то услышала:

— Мисс Кроули.

Пришлось остановиться. Но я не собиралась переходить дорогу и подходить к автомобилю.

Мужчина перешёл ко мне сам. Я его узнала, это был один из вчерашних мордovorотов, сопровождавших мадам. В руках он держал большой конверт, который протянул мне со словами:

— Вам просили передать.

Я не стала брать конверт и с подозрением в голосе спросила:

— Кто просил?

— Мадам Лестар, — ответил мужчина.

— Я ничего не буду брать от мадам Лестар, — отрезала я и развернулась, чтобы уйти.

— Мадам предполагала, что вы так скажете, — усмехнулся мужчина, и я обратила внимание, что у него плохо двигается левая половина лица.

И не дожидаясь, пока мужчина продолжит, спросила:

— У вас ухо слева не болит?

Мужчина удивлённо на меня уставился и, видимо, от

неожиданности моего вопроса, ответил:

— Болит.

— А в затылок отдаёт боль? — продолжила я собирать анамнез[1].

И здесь мужчину прорвало, с него слетела вся напыщенность:

— Ещё как отдаёт, мисс, спать не могу, болит невозможно, кажется, что котелок взорвётся. И в ухе звон такой, что иногда не слышу даже.

Я и по состоянию лица, и по тому, что мужчина рассказал, поняла, что, скорее всего, у него невропатия лицевого нерва.

Он вдруг посмотрел на меня с надеждой и спросил:

— А вы, мисс, того... можете мне помочь? Я заплачу!

— Как вас зовут? — перейдя на докторский тон, спросила я мужчину.

— Хью я, — назвался мужчина коротким именем, но потом исправился и сказал полное имя: — Хьюберт.

— Вот что, мистер Хьюберт, — произнесла я, — вам срочно надо начинать лечиться, потому что, судя по симптомам, у вас острое воспаление лицевого нерва... — я осеклась, решив, что, возможно, про нервы говорить не стоит, и сказала проще: — Острое воспаление лица.

— Так как лечить? — испуганно спросил мордоворот, уже не казавшийся мне страшным, а скорее несчастным.

Из скудного набора доступных в этом времени средств мне пришла в голову полынь. В принципе, можно подобрать

смеси любых других трав, обладающих противовоспалительными свойствами, и сделать сбор для повышения эффективности, но для этого мне надо было сесть, подумать, посчитать, а не вот так вот стоя на улице. И я, понимая, что мужчина должен испытывать поистине ужасную боль, раз у него уже мимика изменилась, пока решила дать пару рекомендаций, которые могли немного облегчить ему боль.

Так ему и сказала:

— Я буду ждать вас сегодня вечером, придёте в нашу больницу, а пока идите домой, соберите или купите зелень полыни. Её надо измельчить и заварить кипятком так, чтобы получилась каша. Понимаете? Или вам записать?

— Запишите, мисс, — попросил Хьюберт.

Ручка у меня была, а вот бумаги не было. Хьюберт посмотрел на конверт, потом на меня.

— Вы же не будете брать? — спросил, показывая мне конверт.

— Нет. — Я улыбнулась — настолько забавно это выглядело.

Хьюберт взял и оторвал от конверта кусок и протянул мне. Я в образовавшемся кармане конверта заметила, что там не деньги, а листы бумаги.

Мужчина подставил руки, я положила на них свою сумочку и уже на неё — оторванный от конверта листок. Пока записывала, комментировала, рассчитывая, что хоть что-то больной запомнит.

— В получившуюся кашицу можете добавить мёд и луковый сок. Но можно и не добавлять. После, как есть тёплую, заверните в тряпицу и приложите к лицу там, где болит, на щёку и по возможности завяжите тёплым шарфом или платком. И так подержите несколько часов.

Написала. Сложив листок в два раза, строго взглянула на мужчину и ещё раз произнесла:

— Вечером вас жду, даже если вам станет полегче, всё равно приходите, с этим заболеванием шутки плохи.

Всё-таки взрослые пациенты такие иногда неблагодарные, вот вроде бы должны понимать необходимость полного излечения, а чуть полегчает — и всё, и уже не надо лечиться.

Я отдала мужчине листок и развернулась, чтобы наконец-то пойти домой: спать хотелось неимоверно. И я уже сделала несколько шагов, как вдруг от Хью сзади раздалось:

— Мисс, подождите, мисс.

Я остановилась, повернулась теперь уже к своему пациенту. Мужчина с несколько виноватым лицом протягивал мне конверт.

— Мисс, мадам просила вам передать, — сказал он.

— Ты не понял, Хью, — проговорила я более жёстким тоном, дав понять, что всё, терпение моё на исходе, — меня не интересуют предложения мадам.

Тогда Хьюберт раскрыл конверт, достал оттуда нечто, похожее на контракт, к которому была прикреплена небольшая записка.

— Я понял, мисс, — виноватым голосом произнёс Хью, — но у меня работа, прошу вас, это вас ни к чему не обязывает, клянусь. Просто мадам сказала: «Она откажется, Хью, но дай ей обязательно прочитать моё письмо», — процитировал мужчина.

Я посмотрела на Хью: лицо у него было кирпично-честным. Посмотрела на записку, приколотую к бумагам. Я где-то в душе понимала, что это точно какая-то гадость, что она меня заденет и что-то непременно произойдёт.

— Давай письмо мадам, — произнесла я, стараясь не касаться бумаг.

Хью открепил записку и передал мне.

«Дорогая мисс Кроули, в конверте находится контракт, с которым вы можете ознакомиться и проверить, что всё, о чём я вам говорила, является правдой. Но если я хоть немного разбираюсь в людях, то вы, скорее всего, даже не взглянете на него. Поэтому я попросила Хью обязательно передать вам моё письмо.»

Знайте, мисс Кроули, что ещё один контракт получит девушка, которая выпустилась из приюта вслед за вами, она тоже отказалась подписывать договор на работу со мной. Вы для неё стали примером, и она предпочла трудный путь. Но я точно знаю, в каких обстоятельствах оказалась эта девушка, и уверена, что, в отличие от вас, она точно подпишет. Вы должны её помнить, это Дана Верн, вы даже какое-то время жили в одной комнате. Её мать была про-

ституткой и умерла, заразившись дурной болезнью, после чего девочка и попала в приют.

Всего вам хорошего.

Мадам Горделия Лестар».

«Вот же гадина!» — подумала я. Сжала кулак, сминая письмо от мадам, будто пытаюсь избавиться. Но, к сожалению, в одном мадам была права: теперь я не смогу выкинуть эту информацию из головы.

Спросила Хью:

— Хью, ты отвозил ещё кому-то такой конверт?

Он ответил:

— Нет, мисс, я не отвозил, отвозил мой напарник, Кедди.

Я отвернулась, раздумывая: если я пойду сейчас в приют, смогу ли я выцепить всезнающую Тину и узнать у неё, где работает Дана? И вдруг от Хью прозвучало:

— Но я вчера отвозил мадам в одну швейную мастерскую.

Я посмотрела на мужчину:

— Скажи мне адрес, Хью.

И уже через пять минут у меня был адрес, а я в очередной раз порадовалась, что профессия врача и здесь пригодилась. Возможно, я не могу спасти всех, но хоть кому-то помогу — уже хорошо.

[1] Анамнез — совокупность сведений о развитии болезни, условиях жизни, перенесённых заболеваниях и других дополнительных сведений, которые необходимы для диагно-

стики, выбора метода лечения и профилактики. Сбор анамнеза является одним из основных методов медицинских исследований.

Глава 6 (продолжение)

И вместо того чтобы пойти отсыпаться домой, я направилась по адресу, который дал мне Хью. Хью предложил подвести, но я отказалась. У меня было примерно шестьдесят эре[1], и я решила нанять извозчика.

Адрес, по которому располагалась швейная мастерская, где работала Дана, находился в одном из центральных районов Лондиниума. Район назывался Фулэм и был достаточно дорогим и спокойным. Извозчики с удовольствием туда брали пассажиров, потому что там всегда можно было получить ещё заказ.

Насладившись получасовой поездкой по улицам Лондиниума, я сошла с кеба в начале улицы Крэйвен-стрит. Длинная улица тянулась через весь район и на первых этажах таунхаусов были расположены небольшие магазины и мастерские. Швейная мастерская, адрес которой я получила от Хью, располагалась в самом конце улицы и тоже находилась на первом этаже двухэтажного дома. Я предположила, что владелица проживает на втором этаже, а на первом у неё расположена мастерская.

Дверь была не заперта, я потянула за ручку и вошла, оказавшись в небольшом помещении, скорее всего, предназначенном для приёма клиентов, потому что с одной стороны по стене была расположена симпатичная банкетка, обитая зе-

лёным сукном, а с другой стороны на стене висело небольшое зеркало и были приделаны крючки, видимо, для верхней одежды.

За небольшой стойкой-столом сидела девушка, которая, увидев меня, сразу вышла мне навстречу.

Улыбнувшись, спросила:

— Добрый день, приветствую вас в швейной мастерской мадам Селязи.

Но по мере того, как девушка изучала мой внешний вид, от серого платья до растоптанных башмаков, улыбка на её лице таяла, пока не исчезла окончательно, и девушка, поджав губы, сказала:

— Работы нет.

Я улыбнулась:

— Здравствуйте, я не ищу работу, я ищу свою подругу, мисс Дану Верн. Мне сказали, что она здесь работает. Могла бы я с ней поговорить?

Девушка ещё сильнее поджала губы и произнесла:

— Мисс Верн сейчас работает, до перерыва ещё два часа.

Я вытащила из кармана всю мелочь, которая у меня оставалась, что-то около двадцати эре, сделав шаг, схватила девушку за руку, ссыпала ей всю мелочь и попросила:

— Ну, пожалуйста, мне нужно всего пять минут.

Девушка быстро убрала мелочь в карман и пробормотала что-то вроде:

— Не дольше.

Вышла куда-то вправо.

Вскоре оттуда же появилась Дана.

Мне показалось, что, когда я последний раз видела Дану в приюте, она выглядела более здоровой. Сейчас же лицо у неё было бледное до синевы, под глазами были тёмные круги, губы тоже были очень бледные. Это говорило о том, что у девушки явная нехватка гемоглобина. А ещё я обратила внимание, что глаза у Даны слезятся.

«Видимо, тяжёлая работа, приходится сильно напрягать глаза», — подумала я, а вслух сказала, глядя на безучастное лицо девушки:

— Дана, ты меня узнаёшь? Это я, Лейла.

Девушка, не меняя выражения лица, произнесла:

— Конечно, я тебя узнала. Слышала, что ты работаешь в больнице, как и хотела.

Девушка замолчала, будто ей было совсем неинтересно, зачем её бывшая товарка по приюту пришла к ней и выдержала её посреди рабочего дня. На мой врачебный взгляд такая апатия была очень плохим признаком.

Я в свою очередь тоже её похвалила, что она нашла работу в таком месте, расположенном в приличном районе.

Когда Дана и на это не отреагировала, я прямо сказала:

— Я знаю, что ты получила предложение от мадам Лестар.

И вот здесь на лице девушки появилась первая эмоция — испуг.

Я продолжила:

— Дана, не соглашайся и не подписывай. Существуют такие повороты судьбы, один раз свернув, ты уже никогда не сможешь найти путь назад. И это как раз такой случай. Мадам уже не отпустит тебя, понимаешь?

Дана какое-то время смотрела на меня, а потом её просто прорвало, и она, стараясь говорить тихо, чтобы не было слышно в соседних помещениях, зашептала:

— А что мне делать? Я всего месяц здесь работаю, но мои глаза уже практически ничего не видят. В комнате, где мы шьём, практически нет света. И я знаю, что скоро ослепну. И что тогда? Как я смогу шить и зарабатывать себе на жизнь?

Дана всхлипнула и, вдруг вытянув руки, уже громче, не сдерживая эмоций, сказала:

— Посмотри на мои руки.

Я взглянула и ужаснулась, руки девушки были все исколоты, в синяках и кровоподтёках.

Словно в ответ на мой испуганный взгляд Дана произнесла:

— И это мне ещё удаётся как-то шить, практически на ощупь. Если с утра я ещё хоть что-то могу разглядеть, то вот к вечеру всё расплывается.

Я сразу начала думать, как можно помочь девушке, но ничего быстрого, к сожалению, не было. С такими симптомами ей была противопоказана подобная работа, иначе и вправду это могло привести к полной потере зрения.

— Дана, — сказала я, — мы что-нибудь придумаем.

Я хотела сказать, что поговорю в больнице, может быть, к нам можно оформить человека на должность уборщицы. Но в этот момент прозвучало:

— Мисс Верн, вернитесь к работе.

Это вернулась девица, видимо, чтобы дать нам понять, что время вышло.

— Сейчас иду, мисс, — спешно сказала Дана, потом горько улыбнулась и сказала мне: — Прощай, Лейла, знай, что я согласилась на предложение и даже подписала те бумаги, которые мадам мне прислала.

После чего ушла обратно в помещение, находившееся справа.

Я стояла, ошарашенная и пока не понимающая, надо ли что-то делать и смогу ли я вообще что-то сделать.

Но потом заметила взгляд девушки, словно говоривший: «Всё, уже можете идти», кивнула ей и вышла.

Я пошла в сторону дома, денег на извозчика не было, поэтому идти мне предстояло долго. Трамваи и метро пока возили исключительно по центральным районам, да и на них нужны были деньги. А всё, что у меня было, я отдала девице из мастерской.

Дома деньги у меня были, но с собой я не носила больше одной кроны, всё-таки район, где я жила, был не самый благополучный. Как правило, я разменивала одну крону, и мне хватало на два-три дня.

Примерно через час, когда мне оставалось пройти через

мост и пройти несколько кварталов, рядом со мной притормозил автомобиль, и знакомый голос произнёс:

— Гуляете, мисс?

Это оказался мистер Йен.

— А я как раз ездил к вам, хотел, чтобы вы сами сделали перевязку Майклу.

Я поняла, что сегодня выспаться мне вряд ли удастся, но, по крайней мере, ноги отдохнут, и села в машину.

Непроизвольно вырвался облегчённый вздох.

— Что, мисс, устали? — весело спросил Йен. — Не очень удобно в таких больших башмаках ходить?

— Есть немного, — ответила я и, чтобы перевести тему и не дать возможности и дальше разговаривать о моей обуви, которую действительно надо было поменять, я сказала:

— Спасибо вам за помощь парням Белтонам.

Мистер Йен ухмыльнулся и спросил:

— А как там твой Шушель? Больше не угрожал?

— Нет, теперь он меня обходит стороной, — ответила я. — И за это тоже спасибо.

— Да ладно, нам это ничего не стоило. — Йен снова ухмыльнулся и спросил: — А куда ходила-то?

— Подругу навещала, — ответила я, и вдруг мне пришла в голову мысль попросить Йена о помощи. — Мистер Йен, небезызвестная вам мадам снова присылала ко мне человека, — сказала я.

— Знаю. Ну и что? Ты же ничего не подписала, а догово-

рённость у нас, что если будут пытаться заставлять, то сразу на нас ссылайся, — проговорил Йен.

— Она отправила такое же предложение другой девочке из моего приюта, — постаралась подвести я беседу к главному для меня вопросу.

— Ну и что? — недоумённо спросил Йен.

— Ну, я бы хотела, чтобы она не трогала моих подруг, — выговорила я, уверенная в том, что Йен сейчас скажет, что подруги в нашу договорённость не входят.

Но Йен сказал:

— Хорошо, сделаем, но если твои... подруги сами подпишут, то здесь, уж извини, значит, на то была их воля.

Я промолчала, раздумывая, имеет ли смысл дальше говорить, ведь Дана сказала, что всё подписала.

Йен спросил:

— Или уже подписали?

Я кивнула, но поняла, что Йен не увидел, потому что смотрел на дорогу.

— Да, она подписала, мистер Йен, — проговорила я, дополнив кивок.

Установилась тишина, только колёса машины немного шумели по брусчатке. Я только сейчас обратила внимание, что мы выезжаем из Лондиниума.

— Знаете, мисс Лейла, что у вашей подруги есть три дня, чтобы отказаться от контракта, и тогда она даже штраф не заплатит?

Я вдруг поняла, что не всё ещё потеряно, но, к сожалению, я не знала, где живёт Дана.

— А вы можете помочь мне выяснить, где живёт человек?
— решила я спросить у Йена.

— То есть ты не знаешь, где живёт твоя подруга? — удивлённо спросил Йен.

— Ну да, не знаю, но хочу узнать, — ответила я.

— Послушай, Лейла, — вдруг совсем другим тоном проговорил Йен, — большинство приютских девушек оказывается в таких домах, подобных тому, что держит мадам Лестар, ты не сможешь помочь всем.

Я понимала, о чём Йен говорил, и даже где-то с ним соглашалась. Да, всем я помочь не смогу, но если я вытащу всего одного человека, то мне станет легче. Но я не стала говорить это вслух и промолчала.

Между тем Йен продолжал:

— Это их выбор, мисс Лейла.

Потом взглянул на меня и, видимо осознав, что его аргументы на меня так и не подействовали, вздохнул и сказал:

— Ладно, мисс Лейла, я узнаю, где живёт ваша подруга. Напишите мне её имя и где она работает.

Поскольку везли меня сегодня в автомобиле, у меня была возможность увидеть красоту пригорода Лондиниума, где был расположен особняк, в котором и находился мой пациент. Особняк был, конечно, образцом викторианского[2] стиля: большое двухэтажное здание с мансардой, с дву-

мя разными башнями — одна круглая, другая квадратная. Особняк был насыщенного красного цвета с зелёной островерхой крышей.

К особняку вела небольшая аллея из высоких тополей.

Я не стала спрашивать, кто владелец особняка. Кто их криминальных личностей знает? Может, владелец какой-нибудь аристократ, который проиграл им этот особняк в карты, а может, он сидит связанный в подвале, пока они здесь зализывают раны. В любом случае из опыта я знала, что любопытство не одну кошку сгубило, а мне ещё экзамен сдавать и глупую Дану вытаскивать.

Перевязка не заняла много времени, и после этого меня отвезли к дому семьи Белтон, где Элис уже вся распереживалась, потому что сегодня меня так и не дождались с работы.

Я не стала расстраивать Элис рассказами о Дане, просто сообщила, что пришлось оказать помощь на дому одному пациенту. И рухнула спать.

Ближе к вечеру я проснулась, до работы ещё оставалось время. Элис как раз ждала сыновей к ужину. Поэтому в доме вкусно пахло тушёными овощами и рыбой.

Увидев меня, Элис всплеснула руками:

— Лейла, тебе же принесли записку, сказали срочно передать, но ты спала.

Записка была от Йена, на ней был написан адрес и стола цифра «три», напротив которой было написано: «Сегодня». И если я поняла верно, то третий день, до которого можно

безболезненно разорвать контракт, истекает сегодня.

— Сколько времени? — спросила я, оглянувшись на Элис.

— Так уже скоро восемь вечера, сейчас ребята придут, — проговорила она.

— Мне надо срочно уйти, — сказала я.

Элис снова всплеснула руками:

— Поешь что-нибудь, Лейла, посмотри — твоя любимая рыбка.

Я схватила кусочек рыбки, который Элис положила мне на маленькую тарелочку, и, обжигаясь, быстро проглотила, практически не почувствовав вкуса.

— Шпасибо, — проговорила я с набитым ртом и, взяв с собой две кроны из отложенных, побежала искать извозчика.

К счастью, Дана тоже проживала в этой части Лондиниума, что и я, поэтому уже через десять минут я стояла возле небольшого домика. Я постучалась, дверь мне открыла маленькая старушка.

— Здравствуйте, скажите, а мисс Дана здесь проживает? — спросила я.

Старушка, подслеповато прищурилась и ответила:

— Да, милая, Дана здесь, у меня, живёт. — И оглянувшись, довольно громко крикнула: — Дана, к тебе пришли.

Изнутри домика раздался голос Даны:

— Я сейчас спущусь, скажите, чтобы подождали.

Старушка пошире распахнула дверь и пригласила меня

войти:

— Проходи, милая.

Через несколько минут спустилась Дана, и я поняла, что опоздала. Потому что на Данае было надето дорогое красивое платье, синее с отливом, из тонкого качественного бархата, лицо уже не казалось болезненно-бледным, потому что глаза были слегка подкрашены, отчего бледность, скорее, казалась украшением, придавая образу загадочности.

Увидев меня, Дана поджала губы и грубо спросила:

— Что ты здесь делаешь?

— Дана, ты всё ещё можешь отказаться, — сказала я.

— Сегодня третий день, и тебе даже не придётся платить штраф.

С улицы послышался звук клаксона.

— Поздно, — обречённо сказала Дана. — Прощай, Лейла, и больше не приходи.

Дана вышла из дома, я — вслед за ней, всё ещё надеясь, что мне удастся её уговорить.

Возле дома стоял знакомый мне автомобиль, возле которого стоял Хью, с удивлением на меня уставившийся.

Решение пришло молниеносно.

— Я еду с вами, — сказала я и первая уселась в автомобиль.

[1] В одной кроне сто эре. Вообще-то, эре относится к денежным единицам Норвегии, но в этой истории это де-

нежная единица Британии (прим. автора).

[2] Викторианскому стилю присущи следующие черты: сложная, часто ассиметричная форма здания; многогранная крыша, башни различной формы; множество декоративных элементов; балконы, террасы, высокие входы с крыльцом.

Глава 6 (продолжение)

— Мисс, — проговорил Хью, от которого немного пахло луком: судя по всему, он уже воспользовался моими рекомендациями, — а вы-то куда?

— А я, Хью, хочу посмотреть, куда вы возите дурочек, покупающихся на сладкие посулы вашей мадам, — ответила я Хью, демонстративно глядя не на него, а на Дану, которая в свою очередь зло смотрела на меня.

«Ну и пусть злится, — подумала я, — дети тоже злятся на родителей, когда уверены, что те их ограничивают в чём-то, а потом спустя время многие признают, что мама была права».

— Поехали, Хью, поедем, посмотрю, где сейчас люди собственное достоинство теряют, — сказала вслух.

Хью тяжело вздохнул, но с доктором не спорят, и мы поехали.

Дом, к которому спустя двадцать минут подъехал автомобиль, находился на другой стороне Темзы, в спокойном, тихом, практически спальном районе, дома там были разные, большие и маленькие, отличало этот район то, что, в отличие от промышленного Ист-Энда, здесь не было никаких производств, только дома.

Сам дом выглядел обычно, я бы даже сказала обезличенно. Уже было достаточно темно, света в окнах дома не заме-

тила, но когда мы вместе с Даной, которая почему-то взяла меня за руку (я почувствовала, как она напряжена), подошли ближе, то увидели небольшой огонёк в окне первого этажа.

Хью остался в автомобиле, продолжая с укором смотреть на меня. Честно говоря, я плохо себе представляла, что буду делать. Никаких речей я не готовила и надеялась, что соображу по ходу. Я понимала, что действую абсолютно нелогично, но ничего не могла с собой поделать. В конце концов, девочка не виновата, что попала в такие условия. И я чувствовала свою ответственность. Ведь не просто так мне дали второй шанс: не только деток, но и общество тоже надо лечить, а я знаю как.

Мы вошли в дом, дверь оказалась не заперта. От входа сразу было видно большую гостиную, в камине горел огонь, возле камина в большом кресле кто-то сидел. От входа не было видно, кто это. Но мне показалось, что сидит всё-таки мужчина.

Дверь позади нас с Даной захлопнулась с негромким звуком. Человек в кресле повернулся. Лица не было видно, сперва мне показалось, что он в очках, но я ещё ни разу не видела очков в этом времени.

«Он в маске!» — поняла я, когда одна сторона лица осветилась отблеском пламени в камине.

И хотя лица его было не видно, мне показалось, что мужчина оторопел, увидев, что девушек двое. И тогда я решилась.

— Вы думаете, что если у вас есть деньги, то вам позволено разрушать чужие жизни? — сделав шаг вперёд и оставив Дану за спиной, произнесла я.

Мужчина молчал, продолжая сидеть в кресле. Не знаю, что бы я делала, если бы он встал, но то, что он оставался на месте, несколько уменьшило мой испуг, потому что, колени у меня тряслись, несмотря на то что я старалась, чтобы голос звучал уверенно.

И вдохновлённая, я продолжила:

— Такие, как вы, имея деньги, вместо того чтобы помогать детям из приюта, который, кстати, курирует наша королева, вставать на ноги, ради своих сомнительных удовольствий губят их жизни.

И так я распалилась, что из меня выскочило:

— Вы настоящие уроды, которые недостойны того, что имеют.

Неожиданно мужчина поднялся из кресла, и я поняла, что меня сейчас будут убивать. Стало очень страшно: в голову пришла мысль, что надо сделать что-то такое, чего от тебя не ожидают. Например, кинуться куда-нибудь с криком «Пожар!». И я уже приготовилась...

Но мужчина остановился в нескольких шагах от меня и сказал:

— Девушка, вас кто-то обидел? В чём дело?

Причём у мужчины был очень приятный баритон, в голосе действительно сквозило удивление, как будто он не ожидал.

Но меня было не провести.

Осознав, что убивать меня никто не собирается, я решила ещё понаглеть и заявила:

— Вы платите за то, чтобы покупать себе невинных девушек, которым специально создают такие условия сразу после выпуска из приюта. — И заявила тоном старой докторши: — Вам должно быть стыдно, молодой человек. И противно.

— Я не знал, что это так, я платил... — он запнулся, но вскоре продолжил, быстро подобрав слово, — профессиональным девушкам, не невинным, как вы изволите меня обвинять.

Речь мужчины была чистой, очень грамотной, в голосе мелькали властные нотки.

Я подумала: «Если не врёт, то, значит, это делает кто-то из его окружения».

А вслух сказала:

— Тогда и вы извольте разобраться с тем, что происходит. — И не удержалась от врачебного совета: — И вы взрослый мужчина, найдите себе постоянную партнёршу, это я вам как врач рекомендую.

И вот здесь мужчина снова сделал несколько шагов в мою сторону. До того, как начал двигаться, он взял подсвечник со стола и, подойдя ко мне, поднёс к своему лицу.

Я от неожиданности непроизвольно вскрикнула и отшатнулась.

На лице мужчины была полумаска, но даже она не скры-

вала, что вся левая сторона его головы страшно обожжена, через всю половину лица шли уродливые келоидные рубцы, уходя по шее вниз, под чёрную рубашку, в которую он был одет.

Сзади тихо заскулила Дана.

— Теперь вы понимаете, почему я вынужден так поступать? И да, вы правы в одном: я урод.

Мужчина замолчал, словно ожидая комментариев от меня, но я промолчала. Что здесь было говорить?

Не дождавшись ничего от меня, мужчина продолжил:

— То, о чём вы рассказали, неприемлемо, я благодарен вам за правду. А теперь уходите.

— А... — попыталась я узнать о последствиях для нас с Даной.

Мужчина, как ни странно, сразу понял, о чём я, и добавил:

— Идите, никто вам ничего не сделает.

Я не стала говорить «спасибо» или как-то прощаться, развернулась и, подтолкнув закусившую кулак Дану, выскочила за дверь.

Мы вышли на улицу, там всё ещё стоял автомобиль, возле которого курил Хью.

Увидев нас, он отбросил недокуренную папиросу и кинулся к нам.

— Всё хорошо, мисс? — спросил он, глядя на меня.

— Да, Хью, всё хорошо. А теперь надо ехать к твоей хозяйке, чтобы разорвать подписанный договор, — сказала я

и поглядела на Дану.

Та испуганно закивала.

И здесь Хью дал бесценный совет:

— Не надо к хозяйке, я вас сразу отвезу к нотариусу, и там сразу мисс, — он кивнул в сторону Даны, — и подпишет отказ от исполнения, который потом и получит мадам.

Такой вариант мне понравился больше, потому что никогда не знаешь, чего ждать от мадам. Та ещё змеюка.

Уже через час всё было сделано, и Хью отвёз нас обратно к дому, где снимала комнату Дана.

Я, прощаясь, пообещала ей поговорить в больнице.

И я уже развернулась, чтобы уйти (я уже почти на полчаса опоздала на работу), как вдруг Дана меня окликнула. Я остановилась. Девушка кинулась мне на шею, обняла и сквозь слёзы проговорила:

— Спасибо, спасибо, спасибо тебе, Лейла.

Потом всё же отпустила меня.

А я шла на работу и улыбалась. Значит, всё сделала правильно.

А на работе меня ждала ошеломляющая новость. Даже не новость, а новости.

Глава 7

На работу я немного опоздала, и если бы дежурил доктор Стен, то мне бы ни слова не сказали, но сегодня дежурил сам доктор Джозеф, а он весьма строго относился к дисциплине, и моё отсутствие на вечернем обходе сразу же было замечено.

Я, в принципе, была с доктором Листером абсолютно согласна во всём, что касалось опозданий: если у тебя что-то произошло, и ты не можешь прийти вовремя — предупреди. Больница — такое место, что иногда тебя нечем заменить, и от этого может зависеть жизнь пациента.

Как только я пришла, меня попросили зайти в кабинет доктора Джозефа.

Я не собиралась оправдываться, собиралась признать свою вину в опоздании, принять заслуженное наказание и идти работать. Но доктор Листер не собирался меня ругать. Он был расстроен.

Когда я зашла в кабинет, то обнаружила, что он сидит за столом и смотрит в одну точку.

«Ну не могла же это я его так расстроить?» — подумала я. Увидев меня, доктор Листер грустно улыбнулся и сказал: — Завтра к нам приезжает комиссия по проверке выделяемых средств и организации больницы. Кто-то написал донос, что я принимаю на повышенные ставки людей без соот-

ветствующего медицинского образования.

— Мне кажется, я знаю, кто мог это сделать, — сказала я.

— Я тоже, Лейла, я тоже, — ещё более грустно произнёс доктор Джозеф. — Я видел это письмо и узнал почерк. — Потом доктор вздохнул и добавил: — Но не важно, кто написал, важно то, что завтра приедет комиссия и будет делать аудит. Так как ты ночная сестра, и по идее они не станут цепляться. Несмотря даже на то, что в письме Пьер написал, что именно на эту должность был принят человек без сертификата, но могут попросить вызвать тебя.

Я понимала, почему вздыхает доктор Джозеф. Одно дело — просто взять человека, оформив с нарушением, а другое дело — врать в лицо проверяющим, возможно, коллегам.

Между тем доктор Джозеф был готов лгать. Оказалось, что он даже послал за мисс Тусен, но та укатила в путешествие с женихом.

— Я не знаю, что делать, — сказал доктор.

Я смотрела на доброго человека, который уже столько для меня сделал в этом мире, и понимала, что не могу его подвести.

— Доктор Джозеф, — предложила я, — давайте я пойду работать, а сразу по окончании смены уйду, а вы покажете членам комиссии перевязки, сделанные ночной сестрой, и всё остальное. Возможно, им будет достаточно удостовериться, что человек на должности выполняет свою работу.

Доктор Джозеф снова вздохнул и проговорил:

— Ладно, Лейла, ты права, иди работай. Утром сдашь смену и иди домой, я пришлю тебе записку, если что-то возникнет срочное.

Я пошла работать. Сначала всё шло ожидаемо. Где-то в начале смены ко мне подъехал Хью, и я в спокойной обстановке ещё раз его осмотрела и записала рекомендации, куда включила мимическую гимнастику, которую следовало начать через неделю.

— Мисс, — пробасил Хью, — я всего один раз ваш компресс сделал, а мне уже полегче.

— Хью, тебе надо это делать и на ночь, и днём, если ты хотя бы несколько часов не выходишь из дома. Болезнь коварная, может и вернуться.

Ещё раз взглянула на мужчину: «Интересно, у него есть кто-то, кто может ему сделать отвары или настойку?»

А вслух спросила:

— Хью, ты женат?

Мужчина замялся и покраснел, начал бормотать:

— Мисс, вы очень красивая девушка...

Я рассмеялась:

— Нет, Хью, я не буду просить тебя на мне жениться, я хотела узнать, есть ли кто-то, кто может тебе заварить настойки трав, которые ты должен принимать ещё десять дней.

Хью облегчённо выдохнул:

— Да, мисс, мать может сделать. Говорите, а лучше снова напишите.

Я написала, перечислив несколько вариантов противовоспалительных трав с успокаивающим действием: цветы ромашки, цветки липы, бузину, траву мяты, тысячелистника, пустырника.

— Хью, я всё записала, но ты тоже постарайся запомнить. — Ещё раз повторила для мужчины. — В лечении главное — регулярность и постоянство. Мать тебе заварит травы, а ты должен пить три раза в день по полстакана в течение десяти дней. Запомнил? И ставить компрессы.

Мужчина усиленно закивал.

А я продолжила:

— А когда болеть перестанет, надо начинать делать гимнастику, чтобы щека разработалась. Вот так.

И я показала несколько гримас. Хью сначала пытался сдержаться, а потом рассмеялся.

— Ну, мисс, ну насмешили.

Пришлось принять серьёзный вид и строго повторить:

— Может, это и выглядит смешно, зато щека твоя будет двигаться, а не как сейчас.

Я представила себе, как Хью с его квадратно-кирпичной физиономией начинает гримасничать, изображая разные эмоции, надувать щёки, сильно выдувать воздух ртом и произносить звуки, в котором участвуют лицевые мышцы, например: «пи», «пе», «ку». И мне тоже стало смешно, но я сдержалась.

— Мисс... — На прощание Хью протянул мне несколько

крон.

Я взяла только одну и сказала:

— Как выздоровеешь, так и рассчитаешься.

И наказала ему подойти через неделю. Правда, теперь я не знала точно, где я буду через неделю, но очень рассчитывала, что у нас с доктором Джозефом всё получится. На самый крайний случай у меня оставалось предложение Йена. Не пропаду!

Ночь шла своим чередом, и мне стало казаться, что наш план с доктором Джозефом сработает. Утром я закончу смену, не буду дожидаться утреннего обхода, передам всё доктору Джозефу и уйду домой. За день здесь всё успокоится, и вечером пойдёт как обычно, а там, глядишь, сдам экзамен, и уже ни у кого не возникнет сомнений.

И, наверное, наш план с доктором Джозефом сработал бы, но под утро в больницу начали прибывать больные с симптомами отравления. И посмотрев нескольких из них, я с ужасом поняла, что мы имеем дело с ботулизмом.

Что делать в ситуации, когда у тебя под рукой нет сыворотки или антибиотика?

Сначала привезли мужчину и женщину, у обоих была тошнота, явно повышенная температура, но невысокая. Осматривая женщину, я заметила, что у неё как будто набухли верхние веки, попросила доктора Листера помочь мне со светом. Когда я поднесла лампу ближе к лицу женщины и заглянула ей в глаза, то увидела, что зрачки женщины раз-

ного размера и нет никакой реакции на свет.

— Вы хорошо видите? — спросила я её.

— Нет, мисс, всё будто в тумане, — ответила женщина так, словно ей было сложно говорить.

Я попросила её открыть рот. Слизистая была бледной и сухой.

— Что вы ели? — спросила я у женщины, уже зная, что услышу в ответ.

Женщина глухо ответила:

— У Саймона и Эмили была свадьба вчера, мисс, много чего ели.

Но меня интересовал только один продукт, и я спросила:

— А была ли там кровяная колбаса?

Женщина попыталась сглотнуть, попросила:

— Дайте водички, мисс.

После того как ей удалось сделать глоток воды, она мне ответила:

— Конечно была. Отец Эмили сам её делал, он же мясник.

Вкусная.

И женщину снова начало тошнить.

Доктор Листер взглянул на меня и спросил:

— Лейла, вы думаете, что это... *Vacillus botulus*[1]?

— Да, — ответила я, — посмотрите, симптомы поражения... нервн...

Я опасалась сказать что-то ещё, чуждое этому времени, но доктор Джозеф воспринял это как недостаток моих знаний,

и с улыбкой сказал:

— Поражение нервных функций, вы хотели сказать, Лейла?

Мне оставалось только кивнуть.

— Я не устаю удивляться, откуда вы столько знаете. Про нервные функции только недавно начали говорить, — произнёс доктор Джозеф, но взглянул на женщину, которой становилось хуже, и спросил: — Может, вы знаете, как мы можем помочь?

Я понимала, что с головой выдаю себя, но не могла промолчать:

— Нам нужна магнезия.

— О, вы и об английской соли знаете? Я поражён, Лейла. Позже мы с вами обязательно это обсудим, а теперь давайте будем делать то, ради чего мы здесь.

Я вопросительно посмотрела на доктора

— Спасать жизни, — ответил великий Джозеф Листер.

И мы спасали. В процессе я рассказала, как можно использовать растительное масло, чтобы остановить распространение отравления. Конечно, надо бы проштудировать местные учебники, всё время хотелось сказать про токсины и сыворотку, но, похоже, что этих понятий пока не существовало.

Пока мы помогали больным снять интоксикацию, наступило утро и приехала комиссия. Пришли на работу и доктор Стен, и интерн Шушель. Пришли дневные нянечки, и нам стало полегче, но основной удар мы с доктором Джозефом

приняли на себя.

Некоторые больные ещё чувствовали себя плохо, но никто не умер, задохнувшись, и это была наша победа.

Комиссия аудиторов состояла из шестерых человек. Конечно, деваться мне было некуда, и я слушала, как доктор Джозеф рассказывал коллегам, как мы спасали людей.

Двое из них очень внимательно слушали. Один — высокий, крепкий брюнет лет тридцати пяти, с голубыми глазами и «веселыми» морщинками возле глаз, было видно, что он умеет и любит улыбаться.

Второй — с рыжими волосами и бакенбардами, с небольшими залысинами и в пенсне, тоже крупный, причём не толстый.

Когда доктор Джозеф сказал, что по моей подсказке мы давали английскую соль пациентам, чтобы помочь вывести из организма отраву, оба мужчины заинтересованно на меня посмотрели. И рыжий сказал:

— Джозеф, да у тебя здесь сплошные таланты. Вон молодой человек, — он кивнул в сторону скромно потупившегося Шушеля, — недавно подал заявку к нам университет на работу по исследованию антидиарейного вещества. Я посмотрел, весьма интересно, по описанию напоминает концентрированный морковный суп. Но описанные свойства позволяют предположить, что это большое открытие.

[1] Впервые болезнь подробно описал немецкий врач Юс-

тинус Кернер в 1793 году после серии отравлений кровяной колбасой на юге Германии. Врач сделал вывод, что такое состояние провоцирует «колбасный яд». Так заболевание обрело название: в переводе с латыни *botulus* означает «колбаса».

Глава 7 (продолжение)

Я так устала, что у меня даже не было сил сказать, что это неправда, это не Шушель, это вообще суп Эрнста Моро.

Но здесь уже я сама виновата, надо было не откладывать, а сразу сообщить доктору Джозефу о том, что я использовала для лечения детишек морковный суп.

Но я снова недооценила доктора Джозефа. Несмотря на усталость, доктор внимательно взглянул на Шушеля и сказал:

— Пьер, но разве рецепт этого супа не разработала мисс Лейла?

Рыжий доктор перевёл взгляд на Шушеля:

— Молодой человек, а вы указали, что тестирование лекарства проходило в этой больнице под руководством доктора Листера.

И здесь наглости молодого интерна можно было только поражаться, потому что Шушель не моргнув глазом сказал:

— Конечно, в этой больнице, у меня есть адреса пациентов, тестирование проводилось с разрешения доктора Листера, а мисс Лейла тоже участвовала как младший медицинский персонал. Все результаты, всё оформление было на мне.

Я смотрела на «хорошего мальчика» и понимала, что он далеко пойдёт. Ведь как получается, всё, что Шушель ска-

зал, соответствовало тому, как было на самом деле, за одним исключением: никто, кроме меня, здесь не знал, что такой рецепт останавливает диарею и восстанавливает микрофлору кишечника.

Рыжий посмотрел на Шушеля и сказал:

— Если доктор Листер не подтвердит, что тесты прошли и он готов подписаться под результатами, то мы не сможем пустить оформление по ускоренному варианту, как вы просили.

— И сколько времени тогда займёт оформление? — спросила я, поразившись тому, как хрипло от усталости прозвучал голос.

Рыжий посмотрел на меня и ответил:

— Не меньше шести месяцев, мисс. Если этим будет заниматься министерство, то, может, и дольше.

Я про себя подумала, что всё это время дети будут продолжать умирать. Доктор Листер сказал:

— Я подпишу, только если патент будет оформлен на ту, кто действительно является автором рецепта.

И посмотрел на Шушеля. И тут Шушель пошёл ва-банк. Глаза его зло сверкнули, и он сказал, противно растягивая гласные:

— У ми-исс Ле-ейлы нет ме-едици-инского образования.
— Потом обвёл присутствующих взглядом и сообщил: — Она вообще в нашей больнице не числится.

Я устало привалилась головой к стене, вяло наблюдая за

развернувшейся картиной. Возможно, если бы я не была такой уставшей, то я бы переживала, постаралась бы что-то сделать, но всё, чего мне хотелось в данный момент, — это лечь, и чтобы меня никто не трогал хотя бы несколько часов.

Мне кажется, я всё же немного уснула, потому что сквозь сон я слышала резкий разговор, где Шушеля сначала спросили, он ли тот самый бдительный аноним, который сообщил о нарушении в больнице Листера. Похоже, что Шушель ответил утвердительно, потому что вскоре последовал звук удара, сопровождавшийся сдавленным стоном.

— Да что вы себе позволяете?! — взвизгнул Шушель.

Я открыла глаза. Посередине небольшого кабинета доктора Джозефа стояли оба незнакомых мне доктора, остальных членов комиссии видно не было. Высокий брюнет потирал кулак правой руки, а перед ним стоял Пьер Шушель и держался за левую щёку.

Доктор Джозеф сидел возле меня на небольшой банкетке.

Увидев, что я проснулась, доктор улыбнулся и сказал:

— Лейла, прости, не могла бы ты господам доктору Брюсу и Ван Эрменгему рассказать, что конкретно мы делали, чтобы оказать первую помощь пострадавшим от *botulus*.

Интерн Шушель сразу забыл про больную щёку и заинтересованно наострил уши. Доктор Джозеф, заметив интерес Шушеля, отправил его работать:

— Идите, Шушель, работайте, больные ждать не будут.

Сперва меня удивила просьба доктора Листера, но потом

я подумала, что доктор ничего не делает просто так, и я, попросив водички, начала рассказывать.

Рыжего доктора звали Дэвид Брюс, а bruneta Эмиль ван Эрменгем, оба были членами королевского общества Лондиниума, из которого не так давно исключили доктора Листера.

Доктора внимательно слушали, задавали вопросы. Что удивительно, ни один из них не задал вопроса, типа «откуда вы всё это знаете?». Я видела, что им действительно было это интересно.

Но самым удивительным было то, что доктор ван Эрменгем предложил мне работу. А если учесть, что доктор возглавлял госпиталь Святого Томаса, то это была для меня большая удача. Но как я могла оставить доктора Джозефа? Его и так оставили так называемые друзья, многие из них перестали с ним общаться, когда его сместили с поста главного врача центральной больницы имени Святого Георга и выгнали из королевского общества.

Так поступить с ним я не могла и отказалась. Тем более что сертификата о сдаче экзамена на медицинскую сестру у меня действительно не было.

Что и выяснилось в ходе проверки.

После того как я объяснила докторам принципы детоксикации с помощью английской соли, предназначения растительного масла в этом процессе, доктор Листер попросил их отпустить меня.

— Коллеги, девочка вторые сутки на ногах. Если надо, я смогу ответить на все ваши вопросы.

И всё бы, наверное, обошлось, но ещё до того, как я успела уйти, в кабинет доктора Листера зашёл один из клерков, которые тоже входили в состав комиссии. И принёс документ на имя мисс Тусен, подтверждающий, что мисс прошла курс и может работать сестрой милосердия.

Доктор Брюс, выхватив из рук клерка этот документ, радостно воскликнул:

— Врун этот ваш Шушель, вот же документ мисс Лейлы. Мы с доктором Листером замолчали.

Доктор Брюс почувствовал неладное и переспросил:

— Мисс Лейла, это же ваш документ?

Я покачала головой:

— Нет, доктор Брюс, это не мой документ.

Но доктор Брюс не собирался сдаваться:

— Но как же, вот же написано, ставка ночной медицинской сестры, мисс Роза Тусен... — Произнеся имя, доктор Брюс осёкся: — Мисс Лейла?

Но ответил за меня доктор Листер:

— Я всё объясню.

Посмотрел на меня и попросил подождать в другом кабинете.

Своего кабинета у меня не было, и я пошла в каморку, где обычно можно было поспать, если ночь была спокойная. Только я там уснула, как пришла Надин.

— Ну вот, я же им сказала, что найду, где ты, — радостно сказала она. — Пойдём, тебя доктор Джозеф зовёт.

Пришлось идти.

Я понимала, что сейчас услышу свой вердикт и узнаю, что со мной будет дальше.

По пути в кабинет встретила доктора Стена, который ободряюще мне улыбнулся. Я подумала: «Вот не все такие, как Шушель, хороших людей всё-таки больше».

В кабинете доктора Листера меня ждали. На этот раз доктор Брюс сидел за столом Листера. Солнце, светившее из окна, отражалось в рыжей шевелюре и бакенбардах.

Я понимала всю серьёзность ситуации, но ничего не могла с собой поделать, это было очень смешно, и я улыбнулась.

Доктор ван Эрменгем стоял немного в стороне вместе с доктором Джозефом.

— Мисс Лейла, — обратился ко мне доктор Брюс, — присаживайтесь.

Я присела на стул, который поставил для меня ван Эрменгем.

— Мисс Лейла, — продолжил доктор Брюс, — ситуация сложилась непростая.

Доктор Брюс, как мне казалось, испытывал неловкость от того, что ему приходилось мне это говорить.

Несмотря на то что мои умения не вызывали сомнений у сих достойных мужей от медицины, выписать мне сертификат, подтверждающий моё право работать без прохождения

курсов, они не могли.

Но к экзамену меня допускали, тем более что моё имя уже было в списке. И это была хорошая новость.

Доктор ван Эрменгем сказал, что ему, в сущности, всё равно, есть у меня сертификат или нет, он готов оформить меня на ставку младшего медицинского персонала. Это было что-то вроде того, чем занималась Надин. То есть я практически отрезалась от практики.

Я не боялась грязной работы и готова была выносить горшки, но это всё равно что забивать гвозди современным компьютером. Гвоздь-то ты забьёшь, но будет ли это эффективное использование прибора — вот в чём вопрос. Поэтому я не стала пока подтверждать, но и не отказалась.

Плохой новостью было то, что Джозефа Листера отстранили от работы на неопределённое время, то есть до окончания разбирательства с подлогом документов.

Зато доктор Брюс, который, оказывается, был ещё и профессором военно-медицинского колледжа, обещал обеспечить меня учебниками.

— Ваши умения, мисс, не вызывают у меня сомнений, — сказал он. — Я уверен, что вы блестяще сдадите экзамен.

Выходило, что ни я, ни доктор Листер больше пока не могли работать в нашей больнице.

Разобрались господа и с морковным супом. К сожалению, совсем выкинуть из патента пронырливого Шушеля не получилось, но, по крайней мере, патент будет оформлен на

доктора Джозефа, я буду включена как гражданский помощник, а Шушель — как интерн, осуществлявший регистрацию проведённых тестов.

Я настояла, чтобы суп был назван в честь того, кто его изобрёл в моём мире, обосновав тем, что после вываривания суп приобретает тёмно-коричневый оттенок, а слово «мор» в переводе с итальянского как раз и обозначает этот цвет. Получился противодиарейный концентрат Моро. Такое название мы решили указать в заявке на патент.

Пусть не совсем справедливо получилось, зато я буду знать, что патент пройдёт ускоренную регистрацию и станет доступен для лечения больных деток. Это главное.

Когда вызвали доктора Стена и ему сообщили, что он становится временным исполняющим обязанности главного доктора больницы, то он пришёл в ужас. А когда он узнал, что меня тоже отстранили от работы, то попытался устроить скандал.

— С кем я буду работать? Вы что? А если как вчера ночью? А если авария на фабрике? — кричал всегда спокойный доктор Стен.

В результате доктор Брюс пообещал отправить в помощь одного из своих врачей.

— Но ночную медицинскую сестру вам придётся нанять, — сказал он доктору Стену.

Доктор Стен обречённо кивнул и умоляюще посмотрел на доктора Джозефа.

— Таковую, как Лейла, нам не найти, — удручённо сказал он.

И здесь меня огорошили ещё одной новостью, от которой я даже проснулась.

Оказалось, что экзамен перенесли на неделю раньше, потому что потом начинались какие-то благотворительные балы, и королева хотела на них представить стипендиатов. У неё были большие планы на этот экзамен. Ей нужны были женщины-интерны.

— Так что, Лейла, — сообщил мне улыбающийся доктор ван Эрменгем, — рассчитываю станцевать с вами на балу.

Глава 7 (продолжение)

Я так устала, что даже думать о том, что мне придётся с кем-то танцевать, мне не хотелось. Тем более что на бал надо было что-то надеть, а у меня, кроме серого платья и растоптанных башмаков, ничего и не было.

Еле сдерживая зевоту, я попросилась, чтобы меня отпустили, потому что, во-первых, очень хотелось спать, а во-вторых, надо было решать вопрос с Даной. Мы же в ответе за тех, кого приручили.

Сразу уйти не удалось, доктор Стен ворвался в кабинет, и пока я не расписала как минимум две схемы восстановления после отравления *botulus*, меня не отпустили. Но было в этом и хорошее — доктор Брюс, почесав рыжие бакенбарды, сказал:

— Ни в коем случае не собираюсь уводить вас от доктора Листера, Лейла, но предлагаю свою лабораторию на базе колледжа для научной работы по *botulus*.

Я посмотрела на доктора Листера.

Доктор Брюс, верно угадав мои сомнения, сказал:

— Я буду счастлив, если вы захотите работать совместно, но не настаиваю.

Я поблагодарила, тем более что у меня была задумка не только про токсины, но и про детские заболевания. Надо было привнести в эту реальность не только чужие достижения,

но и свои. Детская медицина была очень слабо развита. И я могла это изменить. Не просто же так я получила свой второй шанс.

Доктор Джозеф не был сильно расстроен, что его отстранили, потому как он мог продолжать практиковать в больнице, просто не имел доступа к управлению. Его, как и доктора Стена, больше расстраивало, что я не могу работать.

То, что доктор Джозеф сможет продолжать осуществлять врачебную деятельность, сильно обрадовало доктора Стена, и его лицо уже не выражало вселенскую скорбь великомученика.

Когда я наконец добралась до дома и до подушки, то даже не помнила, как уснула.

Проснувшись вечером, побежала к Дане. У меня появилась мысль, как можно ей помочь. Работа, которую я хотела её предложить, была временная, но зато у Даны отдохнут глаза, а там можно что-то ещё подобрать.

С Йеном мы договорились, что в течение двух дней он заедет за мной, чтобы сделать перевязку. Значит, ждала я его завтра с утра, и до этого мне надо было переговорить с Даной. Я подумала, что ещё примерно две недели будет нужен медицинский уход для Майкла: неделя до снятия швов и неделя после. Научить Дану обрабатывать швы и перевязывать я смогу. Главное, чтобы она согласилась.

А за две недели, я думаю, смогу помочь Дане с глазами. Было у меня подозрение, что она не просто так слепнет. Мой

докторский слух сразу зацепился за то, что Дана сказала: «С утра ещё ничего, а потом почти ничего не вижу, всё начинает расплываться». Надо было задать ей ещё пару вопросов, и если я получу на них утвердительные ответы, то с большой вероятностью это то, о чём я думаю, а именно воспаление или, как у нас его классифицировали, неврит глазного нерва.

Девочка жила в приюте, конечно, судя по состоянию тела, которое мне досталось, питание было нормальным, а вот какое-нибудь простудное или вирусное заболевание могло дать осложнение, которое и привело к воспалению глазного нерва. И возможно, так быстро заболевание не прогрессировало бы, но Дана попала в мастерскую, где приходилось всё время напрягать глаза и шить с плохим освещением.

В общем, в сопровождении обоих братьев, которые не отпустили меня одну, мы пошли в тот район, где Дана снимала комнату. Приятная старушка, хозяйка дома, подозрительно покосившись на мужчин за моей спиной, но при этом улыбнувшись мне словно старой знакомой, сообщила, что Дана дома, но отдыхает.

Парни остались на улице ждать меня, а я прошла в дом.

Дана сегодня снова ходила на работу, поэтому, когда она спустилась ко мне, то я заметила, что она старается за что-то держаться, когда движется.

— Лейла, я рада тебя видеть, — проговорила Дана, и то, как она поморщилась, снова навело меня на мысль, что это, скорее всего, неврит.

— Дана, у тебя болит голова? — спросила я.

Дана кивнула, снова поморщившись.

— Когда она обычно начинает болеть?

Дана недоумённо взглянула на меня, но ответила, что каждый день ближе к концу рабочего дня, иногда раньше.

Я задала девушке ещё несколько вопросов, жалея, что не могу отправить её на МРТ[1].

Но что есть, то есть. Когда ничего нет, приходится выкручиваться. Но я уже была в медицине и тогда, когда не было таких приборов, и мы ставили диагнозы на основе практически ручных исследований.

Я спросила, где я могу вымыть руки. Мне надо было пропальпировать[2] глаза Даны, чтобы понять, насколько сильное воспаление и затронуло ли оно уже оба глаза.

Расспросы и прощупывание — всё это заняло у меня около пятнадцати минут, и с вероятностью девяносто пять процентов подтвердило диагноз, на который я и думала. Теперь можно было назначить лечение. Убивало отсутствие антибиотиков, и здесь я очень рассчитывала на лабораторию, которая скоро станет мне доступна, и возможно, у меня получится выделить пенициллин.

— Я, похоже, знаю, как справится с твоей слепотой, — сказала я. — Вот только надо будет примерно от десяти дней до двух недель не напрягать глаза.

— Ну это невозможно! — сразу воскликнула Дана. — Меня выгонят из швейной мастерской.

— Скорее всего, — согласилась я. — Но если ты ослепнешь, то тебя тоже выгонят, не так ли?

Девушка удручённо замолчала.

— Дана, у меня есть одна идея, но нужно твоё согласие... — начала я.

— Я согласна, — не дав мне даже договорить, сказала Дана.

Я улыбнулась: «Вот же торопыга», а вслух сказала:

— Дана, у меня есть пациент, я помогаю ему в частном порядке, но не могу находиться там постоянно, отслеживая его состояние, и поэтому они приезжают за мной, когда необходимо сделать перевязку.

Я посмотрела на Дану, та внимательно слушала, не перебивая, и я продолжила:

— У него есть сиделка, но мне она не нравится: неаккуратная, в медицине не разбирается.

— Я тоже не разбираюсь в медицине, — всё-таки не удержалась Дана.

— Я тебя научу, — сказала я, — повязку сменить ты сможешь. — Внимательно посмотрела на Дану и договорила: — Как раз постельного ухода этому пациенту осталось примерно на две недели, если они согласятся взять тебя на это место, то это будет большой удачей. И заработаешь, и сама полечишься, и глаза твои отдохнут.

И здесь мне пришла в голову мысль об особенностях некоторых людей, о которой я всегда забывала:

— Ой, прости, я не подумала. Может быть, ты крови боишься?

Дана замотала головой:

— Нет, помнишь, в приюте мы же вместе с тобой тогда помогли Тине, когда она упала и разодрала ногу так, что девочкам стало плохо.

Этого я, конечно, не помнила, но кивнула, улыбнувшись.

Договорились о том, что я завтра поговорю со своим пациентом, и если он согласится нанять Дану, то постараемся встретиться вечером, чтобы Дана не пропускала работу.

Я записала Дана несколько рецептов — то, что она могла начать делать прямо сейчас. Кстати, у её хозяйки оказался неплохой запас лекарственных травок, которыми та с радостью была готова поделиться с «бедной девочкой».

Я пока отобрала цветки ромашки. Василька, который был бы, пожалуй, даже посильнее, не было, но зато был укроп. Написала, как сделать отвар и тёплый компресс. Но, конечно, нужно было искать календулу, чтобы сделать делать капли. И главное — исключить на время лечения шитьё в полутёмном помещении.

Хозяйка, которую звали миссис Молли, улыбающаяся старушка, наотрез отказалась называть фамилию и просила называть её по имени. Узнав, что я врач, тут же начала задавать мне вопросы про свои симптомы. Никакие мои уверения, что я ещё не врач, не могли её переубедить.

Я каждый раз удивлялась, как люди — неважно, в каком

веке и мире они живут, — готовы верить случайной информации о методах лечения, а не идти к врачу. Возможно, здесь это происходило, потому что уровень медицины был ещё невысок, а вот стоимость иногда была непомерно высокой. Именно потому во все века в медицине всегда было много аферистов, предлагающих чудо-лекарство от всех болезней.

В общем, Дану я пристроила. Когда на следующее утро за мной приехал Йен и повёз меня снова в красивый особняк, где уже гораздо менее бледный Майкл поедал овсяную кашу на завтрак, по дороге я предложила ему на две недели взять мою протезе, пообещав всему научить девушку и поручившись за неё.

Йен сразу спросил:

— Эта твоя приютская, которую ты от мадам спасала?

Я кивнула: скрывать мне было нечего. И с одной стороны, я понимала, что даю господам бандитам козырь, который они могут использовать против меня, а с другой — выхода другого я не видела.

— Ладно, — проговорил Йен. — Денег ты не берёшь, пусть это будет наша оплата твоих докторских услуг, всё же Майкла ты, похоже, вытащила.

И увидев Майкла, я поняла, что кризис прошёл, теперь надо будет снять швы и надеяться, что окончательное заживление тоже пройдёт без проблем.

К сожалению, в нашей больнице шили ниткой, пусть и шёлковой, но она, конечно, не рассасывалась самостоятельно-

но. И эту проблему мне тоже предстояло решать, найдя подходящий кетгут[3].

Но сначала надо было сдать экзамен.

[1] *MPT — Магнитно-резонансная томография, один из методов неинвазивной диагностики внутренних органов.*

[2] *Пальпация («ощупывание» с латинского) — это клинический метод обследования пациента, выполняемый руками врача.*

[3] *Кетгут — рассасывающийся хирургический шовный материал животного происхождения.*

Глава 7 (продолжение)

Время до экзамена пролетело незаметно. Казалось, вот только что была целая неделя, и мне даже не надо было ходить на работу, хотя по ночам я всё равно бегала в больницу.

Главным было не пересечься со стукачом Шушелем, но он ночами и не работал. Зато мы виделись с доктором Стеном, навещала больных и даже два раза пересеклась с доктором Листером. Он мне кое-что по учебникам объяснил. Братья Белтоны ворчали, но всегда сопровождали меня, не отпуская одну.

И вот за два дня до экзамена доктор Джозеф, смущаясь, сказал:

— Лейла, я тут с супругой посоветовался, у неё есть платья, которые она носила в молодости. Если ты не побрезгуешь, то можешь к нам прийти, забрать.

Я чуть было не бросилась его обнимать.

— Доктор Джозеф, я с большой радостью, вы меня очень выручите.

Доктор, всё ещё смущаясь, улыбнулся и проговорил:

— На бал, наверное, они не подойдут, но на экзамен в присутствии королевы будут в самый раз.

А я подумала, что если меня и вправду позовут на бал и мне придётся идти в своём, то я не буду стесняться. Это не я должна стесняться своей нищеты.

В общем, когда настал день экзамена, у меня было целых три «новых» платья и туфли.

Платья были довольно простыми, но элегантными, и на моей фигурке смотрелись весьма привлекательно, хотя я предпочла бы что-то более серьёзное. Какой-нибудь костюм. Но выбора особо не было, поэтому надела тёмно-синее платье с белым воротничком, отбелить который мне помогла Элис, притащив какой-то страшно вонючий порошок и не подпустив меня к кухне, пока кипятила бельё.

— Заодно уже и своё прокипячу, — сообщила мне Элис, — чтобы зазря не тратить.

У меня было подозрение, что средство содержало аммиак. Но я не стала пока заниматься выяснением этого вопроса. После стирки и просушки запаха не было, и это меня устроило.

У платья был длинный рукав, длина платья была на две ладони ниже колена. Конечно, многие носили платья длиннее, но что поделаешь, ростом супруга доктора Листера была пониже, поэтому на мне платье село по-другому.

Но я подумала, что на экзамене, если он будет письменный, несколько вызывающая длина не будет так бросаться в глаза.

И вот настал день экзамена, и я прибыла в здание Королевского университета Лондиниума. Спасибо огромное доктору Листеру. Мы с ним встретились в больнице и поехали вместе.

Навходе в университет проверили документы, и чуть было не завернули меня обратно, ведь у меня не было настоящего документа, только метрика. Но доктор Листер помог, и нас пропустили. На территории университета было много людей. Молодые люди, видимо студенты, ходили группками, было много зелени, какие-то скульптуры, но меня что-то начало знобить, и я просто шла за доктором Джозефом, не замечая ничего вокруг.

Я не ожидала, что буду так переживать. Видимо, сыграл тот факт, что это единственный шанс сдать экзамен и сразу получить статус интерна, потому как накопить тысячу крон не представлялось возможным.

Экзамен проходил в зале медицинского факультета. Помещение было большим, света было много, потому что окна были просто огромные, с красивыми витражами, на которых были изображены различные сцены из истории медицины. Посередине зала стоял большой стол для комиссии и три небольших, на одного человека, стола для экзаменуемых. В торце зала было небольшое возвышение, и на нём было установлено два кресла с высокими спинками, украшенных покрывалом с гербом Британии: золотогривый лев, стоящий на двух лапах.

Я подумала, что, вероятно, эти кресла как раз для королевы и короля. Высказала это вслух, но доктор Листер, взглянув на меня, ответил:

— Мисс Лейла, наш король уже год как не посещает ме-

роприятия, у него проблемы с коленями, хотя... — Доктор Листер хитро улыбнулся. — Об этом официально не сообщается. А вот королева Анна, которая и курирует медицину, обязательно будет. А два кресла, скорее всего, потому, что королева может прибыть не одна, её часто сопровождает старший сын.

Экзаменуемых было трое, я, ещё одна девушка и серьёзный молодой человек. Нас вызвали сразу всех троих. Но экзамен не начинали, ждали королеву. Примерно через час двери распахнулись. И в установившейся тишине голос организатора произнёс:

— Королева Британии Анна Шарлотта Мекленбург-Стрелицкая, герцогиня Кентская, и принц Максимилиан Август, герцог Кентский.

Все замерли, ожидая. И вскоре в зал вошла высокая женщина в серо-зелёном, вышитом серебром платье. Все склонились в поклонах, и я тоже.

Рядом с королевой, поддерживая её за руку, шёл мужчина, на нём был чёрный камзол до середины бедра, чёрные брюки — в целом он весь был какой-то мрачно-чёрный. Высокий, плечистый брюнет.

Но когда я подняла глаза и увидела его лицо, обезображенное страшными шрамами, скорее всего, от ожогов, я поняла, что знаю эти шрамы. Я их уже видела и даже назвала этого человека уродом.

Глава 8

Королева с принцем чинно проследовали к возвышению, принц помог королеве подняться и усадил её на одно из кресел. Сам, однако, не стал садиться, а встал рядом с креслом королевы, немного позади.

Организатор, дождавшись, когда высокие гости усядутся, вышел в центр зала, оказавшись между столом для комиссии, столиками для экзаменуемых и стоя лицом к возвышению. Низко поклонился и произнёс:

— Ваше Величество, вы позволите?

Королева махнула рукой, в которой был зажат белый платочек.

Я подумала: «Прям рыцарский турнир».

Вначале организатор объявил, что проводится экзамен на стипендии, учреждённые благословенной королевой, и впервые на экзамен по рекомендациям известных медикусов допущены девицы. Что стало для меня откровением и преисполнило и так огромный долг перед доктором Листером, так это то, что за каждую девицу должно было поручиться не менее трёх докторов, состоящих в Королевском обществе Лондиниума. Я даже представить себе не могла, чего

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.